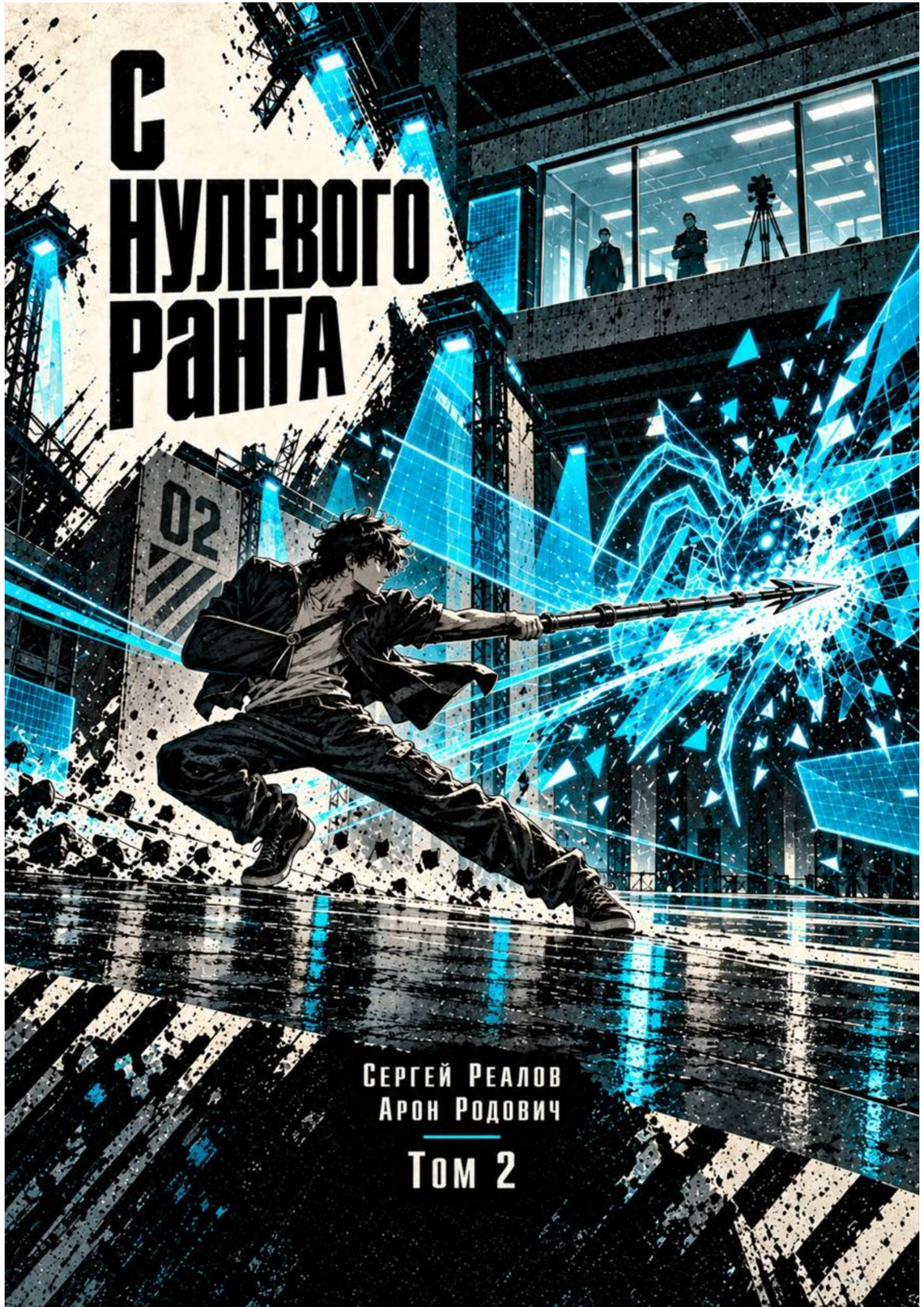

С НУЛЕВОГО РАНГА

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ
АРОН РОДОВИЧ

Том 2

Арон Родович

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 2**

«Автор»

«Автор»

2026

Родович А.

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 2 / А. Родович —
«Автор», «Автор», 2026

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря! Ведь я вернулся на двенадцать лет назад! Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать. Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз! Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными. Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 21	5
Глава 22	12
Глава 23	19
Глава 24	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 2

Глава 21

У второго кордона я ещё не успел обернуться, как створки «Подземки» ударились за спиной. Уши заложило хуже, чем под криком чешуйчатых. На шаг подался вперёд, вдохнул ветер; в нос набилась пыль, а я всё равно добрал воздух до конца. Через эти створки сейчас назад не полезу. Вышли — пусть закрываются, здесь мне слышнее людей. Мы были живы. Все восемь. Даже Петя, который всё ещё сидел на корточках у края бетонного колодца и тупо смотрел на пальцы здоровой руки. Вторую он держал у живота; свежая повязка у ключицы уже темнела.

— Пырьев! — дежурный загородил выход планшетом; мне пришлось повернуться к планшету, чтобы разобрать его голос за гулом в ушах. — Стройся! Медосмотр по регламенту. До утра никто не уходит.

Я выпрямился, отряхивая куртку от слизи и щебня. Усилитель слуха за ухом фонил противно, низкочастотным гулом, от которого ныли зубы. Клип и здесь перегружался. Я слушал шаг патрульного и всё ещё ждал крыла над головой; чужой вдох лез в ухо громче, чем слова дежурного. Из разлома вышли, а железка пока не давала мне понять этого на слух. Я прижал ладонь к виску, заглушая шум, и посмотрел на инспектора. Тот стоял с планшетом, в котором светился список, и ждал. За его спиной маячили двое медиков с багровыми рукавами и шприцами-автоматами. Сейчас разделят нас между этими медиками, пойдут проверять мана-каналы и бумаги. В моих на Е-ранг не хватает отметки; я это знал лучше дежурного. Если довести до допроса, Савве придётся объяснять, кого он привёл в своей бригаде. Справку я вынул раньше, чем нам указали разные проходы.

— Инспектор Толбин передавал привет, — сказал я ровным голосом, делая шаг навстречу и разворачивая перед ним справку. — Он просил передать вам лично, чтобы вы не задерживали группу, которая оформлена по прямому контракту формы «эксперт-материал». У нас есть справка о прохождении первичного осмотра на границе сектора. Подпись есть? Есть. Отметка о стабилизации канала есть? Тоже есть. Если вы сейчас начнете нас разделять, мне придется звонить старшему инспектору и спрашивать, почему подчиненный ему сотрудник нарушает регламент взаимодействия с госконтрактами.

На Толбине дежурный задержал палец над экраном. Я ждал, предложит ли звонить: старик писал рапорты и своим, не договаривался шёпотом у ворот. Чужую должность ради нашей очереди тому проверять незачем. Дежурный пролистал строки быстрее, нашёл нужную и посмотрел на справку ещё раз. Уже не на мои руки.

Дежурный развернул планшет экраном к нам, ногтем показал три поля.

— Распишитесь здесь, здесь и здесь. И бегите. Чтоб через пять минут вас тут не было.

Мы расписались. У Пети ручка ходила в здоровых пальцах. Он прижал бумагу к планшету, вывел кривую подпись; я ждал рядом, пока вернёт ручку. Ускорять его после этой смены было бы особенно умно. Я забрал обратно справку, свернул её в трубочку и сунул в карман куртки, рядом с твердым, теплым осколком ядра «Подземки». Тот всё ещё пульсировал синим, но под слоями ткани свечение стало приглушенным, почти незаметным.

После второго кордона нас наконец отпустили. Врач на первом посту велел спать, и к вечеру мы выполнили этот приказ как умели: кто в общаге, кто прямо на складе. Я поспал с курткой под головой, берёт справку и осколок. Потом помог Пете поправить повязку. Он пробовал дотянуться здоровой рукой до узла и каждый раз морщился; я попросил его держать край ткани, пока сам расправлял складку. Так он хоть что-то делал, а не сидел, ожидая, пока с

ним закончат. К вечеру мы собрались у остановки — семеро, уже вечерней компанией. Савва уехал утром. Теперь никого не следовало оставить одному с заявлением на выход.

На остановке пришлось встать в лужу, иначе к столбу Пети не пройти. Рейдеры толкались возле маршруток; я различал мокрые воротники, бинты на руках, лица в свете фар. У кого-то смена только кончилась, кто-то уже лез обратно в автобус. Нам бы сначала хотя бы постоять не под кордоном. Петя прислонился к столбу и молчал. С самого выхода из тоннеля он отвечал односложно; после сна стало ещё тише. Я видел, как он то и дело сжимает здоровый кулак, разжимает его, снова сжимает. Его губы шевелились, словно он читал молитву или составлял заявление об уходе.

Когда подошла переполненная маршрутка, он не двинулся с места.

— Дим, — тихо сказал он, глядя в землю. — Я завязываю. Документы уже собрал. Тьма... там тьма была такая, что я забыл, как дышать. Я не смогу больше.

Клип фонил, а Петины слова разобрал сразу. В первой линии он не прошёл вторую пасть «Гаражей». Сейчас стоит возле меня живой и уже собрал документы. «Останься, справимся» ему сказать легко. Но он только что забыл, как дышать, — моё спокойствие ему не поможет. До заявления надо хотя бы довести его не одного. Дать сегодняшний вечер, а решение пусть принимает завтра.

— Завтра подашь документы, — сказал я, развернувшись и махнув рукой остальным «мышам»: Айгуль, Грачу, Косте. — А сегодня мы идем пить. Бар «У Толи», сразу за терминалом. Кто не идет — тот подписывает отказ от доли в снаряжении этого месяца.

За отказ от выпивки никакой доли не лишают. Я это знал; проверить приказ у Саввы им сейчас было не с кем. Из тоннеля мы вытащили Петю вместе; теперь я звал всю вечернюю компанию, не его одного. Пусть выругаются на меня, зато не разойдутся по остановке раньше, чем он решит, куда идти. Айгуль хмыкнула, поправила мокрый капюшон. Грач выругался, но пошел следом. Петя посмотрел на меня, потом на пустое место у бордюра, где утром стояло Саввино такси, и медленно оттолкнулся от столба. Он пошел за нами. У края лужи он прибавил шаг и поравнялся со мной. Я сбавил темп; он тоже шагнул медленнее, но расстояния между нами уже не прибавил. Можно было идти рядом и молчать. Требовать от него веселья после тоннеля я не собирался. Одному к остановке он уже не смотрел.

Бар «У Толи» находился в полуподвале, в здании старого гаражного кооператива, примыкавшего к территории склада «Серых мышей». Вход в него охраняла массивная дверь из крашеного металла, оббитая дерматином. Внутри пахло жареным луком, дешевым табаком и кислым пивом. В гильдейский клуб нашу компанию не пустили бы отмываться. Здесь сидели такие же низкоранговые, и на столах я видел дешёвые бутылки, не ядра в футлярах. Место знакомое: выжил в смене — есть куда прийти, богатым от этого не стал.

Мы ввалились в зал, оставляя на полу лужи грязи и слизи. Из-за стойки вышел Толя. Я смотрел на него через своих: хозяину придётся решить, пускать ли семерых с арматурой и самодельными щитами к столу. Его лицо всегда казалось мне покрытым запёкшейся кровью; теперь Толя ещё и вынес ведро.

— Ребята, — Толя поставил ведро поперёк прохода; в его голосе не было ни капли радушия. — У меня тут не казарма. И не душ. Идите отмывайтесь в подсобку или уходите. Столы заняты.

Ведро всё ещё стояло поперёк прохода. Я посмотрел на грязь с наших сапог: вот её он получит раньше денег. Не знаю, не любил ли он «мышей» или просто хотел усадить чистых клиентов. Купюру всё равно придётся положить перед ним, а не убеждать с порога.

Я подошел к стойке, доставая из кармана смятую купюру — остаток наличных, отложенных на еду.

— Толя, слушай сюда, — сказал я, кладя деньги на прилавок. — Этот стол. Видишь? Дальний, у стены, с окном в вентиляцию. Я бронирую его на месяц вперед. Оплачиваю сейчас.

И если ты сейчас выгонишь нас, ты потеряешь клиента, который приносит тебе стабильный доход каждую неделю. А если ты нас посадишь, ты получишь предоплату и право называть это место «нейтральной территорией» для нашего круга. Согласен?

Толя задержал взгляд на купюре. Я не убирал её, ждал, пока посмотрит и на нас. Мог ещё вытолкнуть ведром обратно к двери. Но деньги уже лежали на прилавке, а за дверь хозяин больше не показывал.

— Стол ваш до закрытия, — буркнул он, убирая купюру в фартук. — Напитки за ваш счет. Грязь вытирать сами.

В подсобке мы наскоро отмыли лица и руки. Осколок я вынул из куртки заранее, завернул в сухой платок и держал в кармане штанов. Потом вернул его в сухой внутренний карман. Толя убрал ведро, и мы прошли к дальнему столу. Официантка принесла четыре бутылки тёмного пива и семь рюмок к одной бутылке водки. Я придержал бутылку над рюмкой Пети и наполнил её, пока он держал стекло здоровой рукой. Взял свою рюмку, поднял её над столом.

— За то, что дышим, — коротко сказал я.

Никто не ответил тостом. Просто выпили. Рюмка обожгла горло; я выдохнул, поставил её на стол и сразу услышал слишком много. Стул скрипел в соседнем зале, из туалета кашляла женщина, кухонная дверь открывалась, снова хлопала. Между ними лезли чужой смех и посуда. Я ещё мог назвать каждый звук, а голова уже болела от всех вместе. Клип надо убавлять, пока сам не начну кричать через стол.

Убавил клип с закрытыми глазами. Музыка всё равно лезла в зубы; пересел к колонке спиной, переждал припев. В паузе зазвенели тарелки у стойки — вот за этот звук и держаться. Двенадцать лет в коллекторах учился так слушать: выбираешь то, чьё место знаешь, потом отделяешь остальное. Между тарелками уже различал дальний гул. Громче он не стал, но теперь я мог повернуться в нужную сторону, а не искать источник по всему залу.

И тогда я услышал их.

За колонной стукнули трижды. Прислушался к тому углу: там обычно садились ветераны и одиночки. Тук-тук-тук. Деревянный стакан, три кости. Такой круг я мог слушать, не вставая из-за своей рюмки. Я задержал выдох на этом стуке. Стакан отзывался тяжелее, чем должен был с обычными костями. В конце каждого удара слышался короткий глухой довесок. Похожий стук я знал по утяжелённым костям. Пока только похожий. Я открыл глаза и посмотрел в сторону угла.

В углу сидел один, склонив широкие плечи над столом. Я заметил седой хвост и флягу, из которой он отпивал между бросками. Но взгляд вернулся к деревянному стакану: стук шёл оттуда, не от соседних тарелок. Хомутов. У того бригадира разведки тридцать лет выходов и карты, за которые отдавали больше, чем за ядра. Я посмотрел на флягу, на его стакан. Про «спился» слышал не раз, как и про погибшую в «Восьмом участке» бригаду. Сам он в рейды больше не ходил. Значит, с картой придётся вставать перед этим столом, а не ждать встречи в бусе.

Скачанной схемой Реестра нужный проход не открыть. Я уже шёл по памяти первой линии и всё равно слышал за стеной то, чего на ней не было. У Хомутова — оригинальная топосъёмка закрытого горизонта, его собственные отметки. Он ходил там сам. До этой карты теперь один стол; придётся заставить старика говорить, а не сидеть у рюмки до завтра. Савва назначил знакомство на завтра, на девять. Но Хомутов был здесь уже сегодня. Завтра я приду по рекомендации. Сегодня пусть запомнит меня сам.

Я встал.

Айгуль отодвинула свою бутылку, когда я задел ногой её стул.

— Куда ты? — спросила Айгуль, поднимая глаза.

Я отодвинул стул коленом, освобождая проход от нашего стола.

— Познакомиться, — ответил я.

Подождать, пока он закончит свой круг, было нельзя. Нужно было войти в игру. Я направился к дальнему столу. Проходя мимо группы молодых рейдеров из другой бригады, я почувствовал движение воздуха. Один из них, крупный парень с цепью на поясе, встал мне поперек дороги.

— Эй, новенький, — протянул он, улыбаясь уголками рта. — Ты куда прешь? Тут приватная зона. Садись туда, где тебя ждут.

За его спиной захихикали. Я задержался перед выставленным локтем: сейчас отойду — проход будет закрыт всякий раз, когда им захочется ещё посмеяться. До Хомутова оставалось несколько шагов, а разрешения у этой компании я не спрашивал.

Посмотрел на его ноги, на цепь у пояса. Сильный; пока сам стоит, рывком меня не догоняет. Лезть в драку у Толиной стойки ему незачем. Я как раз собирался напомнить, чьё здесь место и кто берёт за него деньги.

Я встал вплотную к его выставленному локтю, не толкая и не уступая дороги.

— Слушай, боец, — сказал я тихо, чтобы слышал только он. — Твой работодатель платит за охрану этого стола?

Парень растерялся.

Он убрал цепь с прохода и ладонью показал на своих приятелей.

— При чем тут охрана? Мы тут просто сидим.

Я повернулся к стойке, так, чтобы Толя видел мою поднятую руку.

— Просто сидеть тут стоит денег, — продолжил я. — Расценки охраны на портале составляют пятнадцать процентов от выручки заведения в вечернее время. Если вы сидите здесь бесплатно, значит, либо вы заплатили Толе наличными и не берете чек, либо вы нарушаете договор аренды нейтральной зоны. Я могу позвать Толю прямо сейчас. Он объяснит вам, кто именно должен платить за то, что занимает место, которое бронировано. Или вы можете заплатить мне, как представителю интересов арендатора. Выбор за вами.

Парень посмотрел к стойке. Толю звать не предложил, чек тоже не вынул. Я оставил руку поднятой: ответить хозяину за чужую охрану стола ему, похоже, хотелось меньше, чем поговорить со мной.

— Да пошел ты, — огрызнулся он, но шагнул в сторону, освобождая проход. Его друзья перестали смеяться, напряженно наблюдая за мной.

Я обошел их и подошел к столу Пал Палыча.

Бригадир не поднял головы. Он крутил стакан, ловя кости на лету. Его движения были точными, механическими. Я остановился напротив, не подставляя куртку под летящий кубик, и дождался, пока он поймает все три. Можно было решить, что старик меня не заметил. Я смотрел, какую половину стола он оставлял свободной, и так не думал. Он выглядел старше своих лет, лицо изборождено глубокими морщинами, глаза покраснели от спиртного и недосыпа.

Хомутов поставил стакан на пустую половину стола.

— Места нет, — буркнул он, не глядя на меня.

— Мне нужно не место, — сказал я, опускаясь на свободный стул напротив. — Мне нужно поговорить.

Хомутов посмотрел с моей куртки на ладони у края стола. Я их не убирал, хотя хотелось спрятать больную. Пусть смотрит: я сел напротив, не подошёл просить стул у его спины.

— С кем говорить? — спросил он. — С новичком, который сегодня впервые вышел в Д-разлом и чудом не остался там навсегда?

Я остался на стуле, положив ладони на край стола.

— С тем, кто знает, где лежат старые карты, — ответил я.

Он усмехнулся, горько и сухо.

Он покатил одну кость ко мне, остановив её пальцем у края.

— Старые карты никому не нужны, кроме дураков и мертвецов. Ты какой из двух?

Я задержал кость ладонью и вернул на середину.

— Пока живой, — сказал я.

Пал Палыч налил себе из фляги, выпил, не поморщившись.

— Играем? — спросил он, кивая на стакан с костями. — Ставки маленькие. Выигрываешь — я рассказываю байку про коллекторы. Проигрываешь — покупаешь выпивку всем в этом зале.

Я отодвинул флягу с линии между нами.

— Не хочу байки, — возразил я. — Хочу знать, как читать подземные коммуникации третьего уровня. Те, которые ведут к закрытым горизонтам.

На третьем уровне Хомутов перестал двигать стакан. Я следил за пальцами: до этого катал кости, теперь оставил на месте. Название горизонта услышал. Следующие слова уже придётся выбирать точнее, чем «поговорить».

— Ты слишком много хочешь, мальчик, — сказал он, отодвигая стакан. — Иди играть в свои детские игры. Сюда не садятся.

Он отвернулся к фляге. Я остался на стуле, хотя мне только что велели уйти. Название горизонта его остановило; значит, услышал то, что нужно. Карту отдавать ещё не собирается — вернёмся к этому названию, только уже при соседних столах.

После слова «третий» он перестал катать кости. Я удержал в памяти эту паузу, не стал спорить про детские игры. Самое нужное он уже услышал — теперь скажу, что там на третьем можно сделать неправильно.

Я придвинул стул обратно к столу.

— Знаете, какая разница между коллектором первого уровня и третьим? — вдруг спросил я, повысив голос, так, чтобы слышали ближайшие столики.

Пал Палыч замер.

Я обозначил пальцем три уровня на влажном следе от стакана.

— Первый уровень пахнет канализацией, — продолжил я, глядя прямо на него. — Второй — плесенью и старой водой. А третий... третий пахнет металлом и озоном. Потому что там идут силовые кабели, которые питали старые промышленные узлы. И если вы ошибётесь в расчете нагрузки на один процент, вы не просто утонете. Вас сожрет ток, прежде чем тварь доберется до вашей шеи.

У соседнего стола перестали говорить. Я оставил палец на третьем уровне: про кабели новичкам такого не рассказывают. Если Хомутов знает их нагрузку, понял уже с первого слова. Теперь и рядом слышали, что я говорю не про прогулку по верхним стокам.

Хомутов повернулся обратно. До моей руки взгляд дошёл раньше, чем до лица; я оставил её возле влажного следа на столе. Теперь он сам собирался спрашивать. Ради этого и приходил, а не ради соседских взглядов.

Хомутов придвинулся через стол, закрывая рукой кости.

— Откуда ты знаешь про озон? — спросил он тихо.

Я показал на содранную кожу у костяшки.

— Из опыта, — ответил я. — И из ошибок. Тех, которые совершают другие.

Руки Хомутова разглядывал молча. Я оставил их на столе, не добавлял ещё одну историю про опыт. Он перевёл взгляд к куртке. Там под тканью слабо проступало синее — мой осколок «Подземки». Слова про карты уже не понадобились, чтобы удержать его внимание.

Он задержал взгляд на синем свете под тканью. Я прижал карман локтем: редкий срез мутации, не обычная плата за выход. Рядовой рейдер за месяц столько не приносит. Хомутов уже смотрел на трофей, хотя вынимать его я ещё не собирался.

Он притянул стакан на середину стола.

— Так, — сказал он, и его голос стал жестким, деловым. — Хватит болтать. Если ты действительно знаешь про озон и ошибки, то докажи это. Не словами.

Он придвинул к себе стакан с костями. Три кубика из плотной кости, внутри которых, как я предполагал по глухому довеску в стуке, находились свинцовые утяжелители. «Кости бригадира». Я слушал их ещё у своего стола; если там свинец, обычным угадыванием числа здесь не отделаешься. Старик предлагал проверять, кто лучше знает собственный бросок.

— Правила простые, — произнес он, постукивая пальцами по столу. — Мы играем вслепую. Бросаем через плечо. Первые два броска — проба, без ставки. Потом твоё свечение в кармане против моей фляги. Если выиграешь ты — я дам тебе одну подсказку. Если выиграю я — осколок мой. Круг залу покупает тот, кто испортит бросок.

Я достал из кармана осколок ядра. Синее легло на пальцы и лицо Хомутова. Он не отвёл глаз, но и руку сразу не протянул. Я держал осколок над столом: вещь ему нужна, а принять её без проверки меня пока не хочет.

— Почему вслепую? — спросил я, кладя осколок на стол между нами.

Хомутов повернул одну кость утяжелённой гранью вниз.

— Потому что зрячим играют слабаки, — ответил Пал Палыч, и в его улыбке мелькнула хищная нотка. — А мастера читают мир на ощупь. Ты ведь умеешь слышать звук падения, верно?

Он посмотрел на клип за моим ухом, потом на пальцы, которыми я придерживал осколок. Железку заметил. Что я умею с ней делать, ещё предстояло проверить.

Я прижал клип, убавляя фон.

— Умею, — согласился я.

Он подвинул ко мне стакан.

— Тогда давай.

Хомутов собрал кости в перевёрнутый стакан, накрыл ладонью. Я следил за их краями: все три ушли внутрь, ни одна на столе не осталась. Двигался быстро, за следующий бросок придётся слушать так же точно.

Он развернул мой стул спиной к столу.

— Первым бросаешь ты, — приказал он. — Через левое плечо. Не оборачиваясь.

Стакан потянул ладонь вниз тяжелее, чем ожидал от трёх костей. Встряхнул с закрытыми глазами, повернул другой стенкой к пальцам. Убавил гул клипа; короткий довесок слышен и теперь, не только с нашего стола. Если свинец уложен так, как я предполагаю, назову грани. Сначала проверю на пробе: трофей лежит между нами, за догадку отдавать его не буду.

Я сел боком, затем повернулся спиной к столу. Край оставался в пределах согнутого локтя. Высыпал кости из стакана в левую ладонь и бросил назад через плечо. Стакан остался в правой руке. Три удара прошли по деревянной столешнице.

Первые два удара разделил сразу. Третья кость ещё прокатилась, я ждал, когда стихнет довесок в её стуке. Догадку пока не проверил; сейчас назову сумму, Хомутов сравнит её с настоящими гранями. За пробу трофей не отдаю.

Я оставил руку за плечом, не поворачиваясь.

— Семь, — сказал я, не открывая глаз.

Ответа ждал, не открывая глаз. Назвал «семь», открыл глаза и повернулся обратно к столу: Хомутов показывал грани ближайшим «мышам». По его лицу ответа ещё не прочитать, зато числа теперь можно проверить.

— Семь, — подтвердил он. — Теперь я.

Кости он собрал те же; я проследил до самого стакана, потом слушал его бросок. Один удар пришёлся в край стакана, два — в дерево. Хомутов поднял стакан над гранями, и я сравнил видимые числа с тем, что услышал. Пока без ставки, промахом меня не разденет.

— Восемь, — я коснулся ногтем ближайшей кости, запоминая её положение.

Бригадир усмехнулся.

Он вернул кости в стакан.

— Верно. Ты хорошо слушаешь, Пырьев. Но слушать — мало. Нужно делать ставки. Он протянул руку к осколку.

— Проба за тобой. Но игра продолжается. — Его пальцы уже накрыли край моего платка. Прижал платок левой, пока край ещё оставался у меня под пальцами. Осколок не потянул к себе: ставку показывать надо, только играть ею будем после ясного условия.

— Стоп. Условия игры должны быть ясны.

— Ясные, — он вытянул платок из-под моей ладони, но осколок оставил на столе. — Твоё свечение против моей фляги. Карты я не продаю. Я ими играю. До них ещё дожить надо.

Хомутов подался ближе и заговорил тише. Я задержал дыхание, чтобы разобрать условие сквозь музыку и фон клипа: теперь ставки настоящие, переспросить надо до броска.

Стакан Хомутов поставил к самой кромке. Я посмотрел от него к месту броска: до края места мало, а что считать испорченным броском, он ещё не назвал. Прежде чем согласиться, надо услышать штраф целиком.

— Я соглашаюсь играть. Но в свои кости. И по своим правилам. Бросок вслепую, на слух, но с одним условием: если хоть один кубик касается края стакана или падает на пол — партия аннулируется, и ты платишь штраф. Весь бар. Согласен?

Место броска выбрал на гладком дереве, подальше от края и стакана. По краям стола ожоги от сигарет. Кость там не удержится, если переброшу; услышать падение мало, платить потом всему бару. Примерил, где отпущу руку.

— Согласен. — Осколок оставил на столе, хотя отнести его назад мышам сейчас было бы проще, чем отвечать за бросок.

Пока Хомутов сыпал кости в стакан, я следил за его руками. Он отодвинул тарелки, середина освободилась. Вот это место запомню. Задеть чужую посуду после такого предупреждения — подарить ему ставку ещё до очков.

— Тогда начинаем, мальчик. И помни: в этой игре нет интуиции. Есть только физика. И если ты ошибешься в ней хотя бы на миллиметр, ты останешься без своего сокровища и без уважения бригадира.

Хомутов поднял стакан, и я замолчал вместе с ним. Разговоры ещё слышались, но отвечать за них не надо. Дождусь дерева, трёх ударов, трёх остановок. Не потерять последнюю за чужим смехом — здесь мой шанс. Вечер только начинался.

Глава 22

Смотрел на свинцовые кубики перед Пал Палычем: гробы в миниатюре. Между пробными бросками он грел их в кулаке, довёл свинец до тепла собственного тела. Осколок «Подземки» я не трогал. Из-за его пульсации всё равно видел боковым зрением синие тени на стенах «У Толи» — водоросли на дне мёртвой реки. За этот свет расплатились в разломе. Теперь он лежал перед бригадиром, а мои пальцы оставались возле костей.

От осколка Хомутов перевёл взгляд на меня. Глаза красные, сузились — уже не отмахивался, как пять минут назад. Перед таким взглядом хотелось проверить, не отодвинул ли я ставку слишком далеко. Тридцать лет рейдов у него за спиной, тридцать лет тьмы. Одной партией с собственной совестью такого человека не обыграешь. Разговаривать придётся с бригадиром, не с пьющим стариком.

Хомутов положил флягу рядом с осколком.

— Ставка не хуже осколка, — сказал он хрипло. Голос у него был сорванный, будто он всю ночь кричал или молчал очень громко. — Или ты пришёл торговаться со мной как с нищим?

Мыши за нашими спинами зашевелились. Айгуль тихо выругалась, Грач скрипнул зубами. Осколок числился добытым мной — Савва записал при выходе. Но добыли его мы вместе. Наш трофей, ещё не сданный в расчёт. И я собирался его проиграть.

— Я покупаю вечер, который вы запомните, — я расправил платок под общей ставкой, не оборачиваясь. Я смотрел только на бригадира. На его руки. Толстые пальцы, шрамы от когтей низкоранговых тварей, костяшки, выбитые о скалы. — Правила твои. Но играем вслепую.

Усмешка у Хомутова вышла кривая, злобная. Смотрел уже не мимо меня, а прямо в лицо. Общую ставку я не убрал. Вот теперь он мог разговаривать с новичком: риск на столе, уважение ещё предстоит заслужить.

— Вслепую так вслепую, — он придвинул к себе пустой стакан и перевернул его вверх дном. — «Кости бригадира». Бросок через плечо. Стакан закрывает три кости после падения. Оглашение — когда снимешь стакан. Проиграл — осколок мой. Выиграл — фляга твоя. Плюс разговор.

Кивнул и дождался, пока он возьмёт кости. Сердце билось ровно; хотелось проверить по этому спокойствию самого себя. Сегодня вышел из D-разлома на Е, а сейчас ставлю добытое там. Отвечать за него придётся не одному бригадиру.

Первым бросал Пал Палыч. Те же три утяжелённые кости взял левой; я успел увидеть хват, прежде чем он сел спиной к столу. Из-за плеча послал их назад. Зазвенели, как пули о броню. За кубиком у края следил, не забывая слушать два ближних. Все остались на столе. Хомутов повернулся и закрыл их перевёрнутым стаканом.

Теперь моя очередь.

У стойки Толя полировал стаканы. От звона хотелось зажать ухо, но тогда пропущу кости. Клип фонил после «Подземки», делал зал слишком громким: смех с одного края, ругань с другого, скрип половицы рядом. Пытался выделить дерево нашего стола из этого шума. Петино дыхание тоже слышал; сидел напротив бледный, смотрел пустыми глазами, словно заснуть здесь было страшнее, чем терпеть этот звон.

И я слышал кости.

Когда Пал Палыч бросал, две кости ударились о стол глухо и почти одновременно. Третья качнулась, звякнув довеском внутри. На пробе одна так же отзывалась единицей. Теперь я предположил: единица, ещё единица и двойка. Четыре. Под стаканом предположение оставалось предположением.

Хомутов назвал четыре. После оглашения снял стакан, как требовали правила, и я смог проверить: две единицы, двойка. Качающуюся кость запомнил по месту и довеску. Двенадцать лет слушал трещины, прежде чем они покажутся на потолке. Теперь то же делал над столом: сперва услышать, потом убедиться глазами. Не Система шептала мне очки. Весь счёт приходилось держать самому — ушами, пальцами, памятью.

В ладони те же три кости уже остыли. Стакан отдал Хомутову и сел спиной к столу. Примерил замах левой: тяжёлые, отпускать надо здесь. Разжал пальцы, слушая, как за плечом ударились о дерево.

Все три дошли.

Первая сразу легла, вторая чуть прокатилась. У третьей звякнул довесок, знакомый по пробе. Бригадир накрыл бросок пустым стаканом, я назвал шесть. Когда он поднял стекло, я увидел единицу, двойку и тройку. Сошлось.

Шесть.

Ладонь положил рядом с перевёрнутым стаканом. Шесть против четырёх — все грани лежали перед нами, спорить не о чем. Первая партия моя. Для того, ради чего принёс сюда осколок, получилось слишком легко. Хомутов ещё даже не успел захотеть продолжения.

Но флягу я не взял. До неё было меньше ладони. Хомутов следил за моей рукой, и я нарочно оставил её у стакана: видел свой выигрыш, не забыл о нём, но забирать пока не собирався. Пусть сперва спросит себя, чего ещё я хочу.

Пот стекал по спине, пока держал ладонь у стакана. Забрать флягу сейчас можно. Может, даже карту удастся выпросить, доверие. Только потом Хомутов уже не сядет со мной так же. Ему нужно ещё суметь обыграть новичка, почувствовать себя живым среди мёртвых. Честность здесь не главное. Я помнил, в какого спившегося старика он превратился в первой линии; придушить его своим выигрышем проще, чем получить карту. Заберу эту победу у него сейчас — закроется и уйдёт.

А мне нужна карта. Мне нужен этот человек трезвым и злым, а не подавленным моим знанием.

Флягу подвинул обратно, осколок оставил между нами. Айгуль задержала платок ладонью. Тут уже обойтись без неё не мог: за общий трофей покупаю завтрашний разговор о карте, по Саввиной рекомендации. Так ей и сказал. Хомутов кивнул, карту даром не пообещал. Только после этого Айгуль убрала руку. Осколок уйдёт с её согласия, флягой же, которую выиграл сам, оплачу следующий бросок Пети. Посмотрел на него: Петя удивился. Ради этого и начал.

Рядом со своими шестью очками постучал медленно, показывая место броска всему столу. Потерять этот выигрыш по глупости и поставить обратно самому — разные вещи. Пусть потом никто не скажет, будто я не заметил, кто победил.

— У тебя четыре, — я показал на место его прошлого броска. — Мои шесть. Но я ставлю выигрыш обратно.

Бригадир замер. Мыши за моей спиной ахнули. Петя моргнул, возвращаясь из своего страха.

— Ты... — Хомутов придержал флягу, не убирая её.

— Играем второй кон, — я подвинул осколок к его пальцам. — На осколок. Я отдаю его тебе. За право бросить следующим.

За столом замолчали. Пал Палыч смотрел то на флягу, то на меня, не торопился убирать выигрыш. Пусть считает, что я испугался собственной удачи и теперь заглаживаю её перед старшим. Мне как раз нужно, чтобы после моих шести он остался здесь, а не закончил разговор вместе с партией.

— Ты странный парень, Пырьев, — протянул он, убирая осколок в карман своего кителя. Синий свет исчез, и зал снова стал просто баром, полным дыма и запахов. — Ладно. Давай свой бросок.

Я не бросал. Я позволил Пете взять кубики.

У Пети стекло дрожало. Здоровая рука одна, в ней стакан — три кости уже не удержит. Забрал, поставил подальше от броска и в освободившуюся ладонь отдал три кубика. После «Подземки» пусть удержит хоть их. Правила объясню, темноту из него словами не вытащишь.

— Бросай, — сказал тихо. Петя ещё сжимал кости, кидать не торопился. — Через плечо. Не смотри. Слушай звук.

Петя зажмурился. Следил за его здоровой рукой; Петины губы беззвучно шевелились, будто в молитве кому-то забытому. Он наконец замахнулся, разжал кулачок. Вот теперь, Петя. Не надо для этого опять лезть в темноту.

Кубики ударились о стол.

Одна кость осталась на месте. Другая прыгнула к нам, третья покатила в след, чуть не столкнувшись со стаканом. Хомутов отодвинул стакан, дал ей остановиться. Я развернулся посмотреть. Единица и две двойки. Пять очков.

Хороший бросок. Но не лучший.

Бригадир с усмешкой собрал те же три кости. Его быстрый бросок через плечо я уже узнавал; никакого напряжения в руке. Он повернулся — двойка, тройка, четвёрка. Девять против Петиной пятёрки.

Выиграл он.

Забирать со стола ему было нечего: осколок уже убран в его китель, ставку я отдал заранее. Осталось дать ему побыть победителем.

— Жалко, что ты не играл, — сказал бригадир. Налил виски из той же фляги, поднялся и отвернулся к стене. Видел только широкую спину. Плечи вздрагивали, а смеха не было; заглядывать ему в лицо сейчас не стал.

Сам встал с хрустом в коленях. Обвалы и прыжки на Е ещё не отпустили. Стул придвинул назад, оставил между нами место: сюда завтра и вернусь, если не испорчу всё на выходе.

— Завтра, — сказал я. — Приходи завтра. Есть разговор.

Пал Палыч обернулся и задержал на мне взгляд. Вот эту искру и искал, не жалость после отданного осколка. За моим «есть разговор» он ещё не слышал самого разговора. Хотелось дать ему кусочек прямо сейчас, но придержал язык. Пусть до завтра побудет с этим крючком в нёбе.

Он кивнул. Молча. Долил себе ещё.

Петя разглядывал свои пустые ладони, потом поднял глаза ко мне. После «Подземки» всё ждал увидеть в них тот же ужас. Сейчас смотрел иначе — на меня, не сквозь меня в темноту. Маленькое, хрупкое ещё, но живое. С этим взглядом можно было оставить его за столом, не тащить сразу домой.

— Ты слышал, как падали кости. — Петя здоровой рукой повернул стакан ко мне. Достаточно громко сказал, чтобы рядом обернулась Айгуль. Грач тоже остановился, так и не донеся бутерброд до рта. Отвечать теперь буду при них, но вопрос Петин.

Отвечать пришлось не сразу. Перед Петей отговориться удачей не мог: в «Гаражах» он спас меня, потом тащил из темноты на себе. Сейчас он держал стакан и ждал не легенды для бригадира. Ладно, расскажу ту часть, которую могу рассказать за этим столом.

— На пробе учился, — я вернул ему стакан. — Потом проверял. Свои шесть я видел. И специально не забрал флягу.

Хомутов рассмеялся так, что я на миг перестал слышать стаканы у стойки. Грубо, с лаем, зато без прежней усмешки. Лицо от меня не отворачивал.

— Шулерство в честной игре, — пробормотал он, опускаясь на стул. — Знаешь, почему я спьюсь? Потому что настоящие шулеры всегда играют честно. Только дураки думают, что удача зависит от них.

Он допил виски одним глотком. Кадык дёрнулся.

Он указал горлышком фляги на моё место.

— Завтра, Пырьев. Не опаздывай. У меня есть кое-что, что тебе понравится.

Хомутов поднялся, качнулся — я уже следил, удержится ли, но он устоял сам. Мешковатый длинный китель прошёл рядом, потянуло порохом и табаком. До дальнего стола он дошёл без нас. Там сидели ветераны разведки, изломанные и опасные; за их столом в этот вечер мне больше делать было нечего.

После ухода бригадира Петя стал собирать вещи. Подвинул к себе, освободил место рядом со мной и опять задержался над ним. Я остался сидеть. Если собирался сказать ещё что-то, через весь зал окликать меня ему будет труднее. Ни «я уйду», ни документов на выход. Только взгляд на дерево, где лежали кости. Дал ему ещё посидеть с этим местом.

Петя задержал здоровой рукой мой рукав, когда я собрался встать.

— Научи меня, — сказал он тихо. — Так же не бояться.

Рукав всё ещё был в дрожащих пальцах. Петя ждал, а я собирался уйти с выигранным разговором, словно вечер кончился и для него. Накрыл его руку ладонью. Освобождал рукав мягко, не отдёргивая: его «научи» услышал, за столом просто не ответишь на это одним броском.

— Завтра, — повторил я за бригадиром.

Впервые за две жизни не знал завтрашнего ответа Хомутова. До карты не дотянулся: она ещё у него, спрятана вместе с алкоголем и горем. Память привела к нужному человеку, подсказала вопрос. А ответ буду получать сам. На девять, завтра, по приглашению Саввы. Вернуться теперь имею право, не придётся опять искать свободный стул и прикидываться случайным мальчишкой.

Звук падения костей. Звук шагов. Звук чужого страха.

Клип перевёл на минимум. Фон наконец затих. За ним остался ритм зала — люди разговаривали, двигали стулья, жили после рейда. Мне сейчас хватало слышать это, а не ловить каждую кость во всём баре.

Завтра будет главный кон. На карту. Флягу я уже выиграл, разговор купил. Осталось забрать то, ради чего пришёл.

На крыльце «Серых мышей» ноги поджал под себя. Голыми пятками ледяную ступеньку трогать не хотелось. От мокрого бетона тянуло холодом, от вчерашней яичницы Толи, жареной для бригады на троих, — остывшим жиром. Сидел, слушал генератор внутри склада. Удар поршня проходил через стены и отзывался в висках металлическим привкусом крови. Клип фонил; казалось, череп распилили изнутри и забыли склеить обратно. Пятки от ступеньки убрать можно. От этого звука голову не уберёшь.

На коленях оказался тёплый лист. Катя вышла с планшетом, положила распечатку без слов; бумага ещё хранила тепло её тела. Придержал, чтобы не соскользнула, поднял глаза к Кате. Она вместо объяснения ткнула ногтем в первую дату.

— Читай. — От этого тихого, ровного голоса захотелось убрать лист с коленей. Судья уже вынес приговор, теперь просит подсудимого прочесть формулировку. Я лист не убрал.

Четыре утра. Заявка на «Подземку», которую официально откроют в полдень этого же дня. Прочитал вторую: за сутки до того, как Нечаев узнает о провале на Кольцевой. Третья — за неделю до наших трупов в старом коллекторе. До того дня, когда мы их нашли. Сам видел эти даты, сам помнил события. Объяснить Кате разницу между ними всё равно не мог. Она ведь читала то же, стояла передо мной и ждала.

Я придержал лист на коленях, чтобы ветер не вырвал его.

— Это подлог. — Палец задержал на первой дате. Лист дрожал, а голос сумел удержать ровным. Хоть так.

Её губы скривились в усмешке. Распечатку согнула по строке личного доступа, и мне пришлось смотреть уже туда: не на дату, на то, чьё имя под ней.

— Я проверяла логи серверной дважды. И третий раз переспросила у Лёвы, он оператор в ночную смену. Он клянётся, что эти файлы загружались с твоего терминала в общежитии. С твоего личного доступа, Дима. До событий.

Она сделала шаг ближе, и я почувствовал запах её шампуня — дешёвого, с резким ароматом персика. Этот запах всегда сбивал меня с толку: он принадлежал живому человеку здесь, сейчас, а не воспоминанию о том, как она гибнет в другой линии, которой больше нет.

Катя переставила ногу со ступеньки и встала прямо передо мной.

— Ты знал, что они пойдут туда? Знал, что начнётся обвал? — спросила она. Глаза у неё были красные от недосыпа, но взгляд цепкий, режущий. — Почему ты молчал? Почему ты давал нам умирать, если знал?

Отвечать сразу не смог. Совру ей сейчас — потерю тыл, который строил в первой жизни и с Пробуждения собираю заново здесь. А произнести всю правду ещё труднее. Катя стоит живая передо мной; я помню, как она гибнет. Как это сказать, чтобы она услышала объяснение, а не бред сумасшедшего?

Лист оставил раскрытым на коленях, посмотрел ей в лицо. С этими датами отвернуться и сказать что-нибудь удобное уже не получалось.

— Потому что я не знаю, как это объяснить, — выговорил наконец.

Ветер гонял по двору складов пустые коробки из-под ядерных стабилизаторов. Одна из них ударила о жестяной забор, звякнула, упала. Катя стояла и смотрела на меня, ожидая продолжения. Но его не было.

Катя села рядом, палец так и оставался на времени первой заявки. Десять минут сидели, а она эту строку не отпускала. По лестнице наконец зашаркали тяжёлые шаги. Посмотрел во двор: дядя Вова вышел проверять антенну. Сторож, местный ветеран войны, нанятый нами для порядка. Вот порядка мне сейчас и не хватало.

— Эй! Вы чего тут расселись? — гаркнул он из двора, поднимая моток провода. — Мне наверх надо!

Распечатка исчезла у Кати в кармане раньше, чем я успел её придержать. Она уже тянула меня за рукав к пожарной лестнице. Пришлось подниматься: разговор ещё не закончили, а говорить здесь дальше не дадут.

— Иди сюда, Дим, — шепнула она. — Быстро.

На пожарной лестнице говорил уже меньше, чем дышал. Забрались на плоскую крышу ангара, следом запыхтел Вова с мотком провода в руке. Не удалось от него скрыться, зато распечатку снизу не видно.

— Антенна шипит, — объяснил он, кивая на чёрную рацию на углу крыши. — Ребята говорят, помехи от разлома идут. Может, отключить к херам?

Я придержал провод, не давая ему вытянуть разъём.

— Не надо, — сказал я. — Пусть работает. Шум лучше тишины.

Вова хмыкнул, сплюнул и полез обратно. Следил за ним до лестницы; теперь вдвоём, можно вернуться к распечатке. За парашютом видны были тенты барахолки и коробки с контрафактом. Репину точку между третьим и четвёртым рядом нашёл сразу, прежде чем снова повернуться к Кате.

В его точке можно было купить списанный бронежилет или фальшивую оружейную лицензию. Я искал бы там другое: схемы, старые карты закрытых горизонтов. Те самые, которые гильдии предпочитали «терять». На них и смотрел мысленно, различая Репину будку между тентами.

— Вот тебе и ответ, почему ты странный. — Катя села на край парапета, ноги свесила наружу. Четыре метра до двора; я смотрел на край, пока она устраивалась, а она уже говорила дальше. — Ты слышишь то, чего нет. Ты знаешь то, чего не может быть. Я подрабатываю на диспетчерской, Дима. Видела твои заявки раньше, чем их отправляли в систему. Видела, как ты избежал ловушки в «Гаражах», хотя никто не мог её избежать. Ты интуит? Или ты... — Она задержалась на этом слове, так и не посмотрев вниз. — Или ты предатель?

— Я выживаю там, где другие гибнут. — Посмотрел на костяшки, где после камня в разломе выросла свежая розовая кожа. Руками путь уже оплатил; объяснить память труднее, чем показать их. — Потому что однажды я уже там был. Там, куда мы идём. И я не хочу повторять этот путь вслепую.

В ответ Катя достала распечатку снова. Лицо бледное, а руками не суетилась: развернула ко мне дату, ту самую. Слова про мой прежний путь её с этой строки не сдвинули.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу сейчас сказать. — Я разровнял её распечатку на колене, придержал угол. — Знания у меня есть. И записи. Только весь путь объяснить в двух словах не выйдет. Если хочешь правду целиком — дай мне время её рассказать. А не выдумывать вместо неё удобный ответ.

Ждал, пока ответит. Она смотрела вниз, на барахолку: люди тащили ящики, солнце начало грести по асфальту. Хотелось тоже смотреть туда, а не на её молчание, но лист ещё лежал между нами. Пока она его не убрала, разговор не закончен.

Она убрала лист в карман, но пальцы остались на его краю.

— Если я пойду к Штерному, — тихо сказала она, — тебя закроют. За утечку данных, за махинации с заявками, за все эти странности. Тебя сделают виноватым во всех смертях последних месяцев.

Ладонь опёр о парапет рядом с ней. Как бы ни держался на крыше, от Штерна этим камнем не прикроешься.

— Да, — согласился я.

Катя спустила ноги с края и села лицом ко мне.

— Но тогда ты умрёшь. А те, кто пойдёт за тобой после... умрут тоже. Без тебя.

Посмотрел на неё, прежде чем отвечать. Считала не только мою жизнь: кто пойдёт следом, кто без меня не выйдет. От такого холодного, звериного расчёта становилось легче дышать. С ним хотя бы можно договориться.

Я положил ладонь на край её кармана с распечаткой, останавливая движение к планшету.

— Ты понимаешь, что это шантаж? — спросил я.

— Нет, — она пожала плечами. — Это пакт. Я не спрашиваю, откуда ты знаешь. Ты не врёшь мне в лицо. И ты не бросаешь нас там, внизу. Договорились?

Я достал из сумки две бутылки Split'a. Одну протянул ей. Она взяла её, открутила крышку, сделала глоток. Я открыл свою. Мы чокнулись горлышками, как школьники на выпускном.

Я коснулся своим горлышком её бутылки ещё раз.

— Договорились, — сказал я.

От горлышка её бутылки перевёл взгляд вниз, к точке Репы. Подошли трое; капюшонов не снимали, оставались в тени тентов. Один навёл телефон на товар. За другим смотрел внимательнее: показал Репе короткий пластиковый бейдж. Такие я помнил у служб безопасности крупных структур. Пить дальше расхотелось.

Катя заметила мой взгляд. Проследила направление. Её глаза сузились.

Катя наклонилась к моему плечу и показала на бейдж.

— Куртки без знаков, — прошептала она. — Это не полиция. Это «Аврора». Покупатели ядер. Высокого тиража. Зачем им Репа?

Я напрягся. Со двора донеслось несколько слов Репы — будка стояла под открытым краем крыши. Когда генератор заглушил конец фразы, я не прибавил усиление: шума станет больше, смысла не прибавится. Переместился к водостоку. Теперь тент меньше заслонял говорящих. Один пришелец поднёс к витрине лист и указал на его разрез:

— ...карта нужна целая. Половина у Хомутова. — Он развернул лист вдоль витрины. — Вторая половина должна всплыть. Ищи любого, кто интересуется сектором D.

Сердце ёкнуло. Сектор D. Карта закрытого горизонта. «Восьмой участок». Они искали целую карту. Пал Палыч обещал сегодня поставить свою съёмку; пока я даже не видел, какую часть он вынесет на стол. Если они выйдут на меня раньше игры — всё пропадёт. Меня сдадут, карту отберут, команду разгонят.

Нужно было увести их внимание. Прямо сейчас.

Я оставил бутылку у её ноги и двинулся к лестнице.

— Сиди здесь, — приказал я Кате.

Она придержала меня за локоть у верхней перекладины.

— Куда ты?

Я снял её пальцы с рукава и поставил ногу на лестницу.

— Работать.

Я слез по пожарной лестнице, нырнул в тень ангара и побежал вдоль забора барахолки, к выходу, где дежурили наши «мыши». Айгуль и Грач курили, прислонившись к стене. Они увидели меня и вытянулись.

Грач отлепился от стены, убрав сигарету от моего лица.

— Что случилось? — спросил Грач. Его лицо было серым от усталости; сигарета догорала в пальцах.

Я встал между ним и Айгуль, закрывая нас от рынка плечом.

— Репа получил заказ на карту, — сказал я быстро. — От авроровских. Нам нужно, чтобы эта информация попала к ним через рынок. Не напрямую. Через сплетню. Кто сейчас на рынке самый болтливый?

Айгуль хмыкнула.

Айгуль показала концом сигареты на металлолом у крайней лавки.

— Серёга-Лопата. Он скупает металлолом у детей. Если сказать ему, что карта ушла сборщику контрафакта с рынка «Клин», он продаст эту новость кому угодно. За цену сигареты.

Я придержал Грача за жилет, прежде чем он двинулся.

— Скажите ему, что карту ищет не «Аврора», а частник. Сборщик. Будто он через меня ищет Хомутова. А я вчера пробовал стол на его деньги.

— Пал Палыч вчера с тобой играл, — Грач смял пустую пачку. — Репа спросит и узнает.

— Про игру спросит — правду и услышит. Я играл. — Я повернул Грача плечом к рынку. — А частник пусть интересовался картой через меня. Сборщик с «Клина». Репа знает, что Хомутов держал съёмку. Мы дадим ему покупателя, которого он захочет найти раньше «Авроры». Пусть ищут на другом конце города.

Айгуль сняла пепел о край контейнера, не сводя с меня глаз.

— А если Репа проверит? — спросила Айгуль.

Я отпустил жилет Грача и показал на проход между лавками.

— Проверит. Но пока он будет проверять, у нас будет вечер. И игра.

Грач кивнул и исчез в рядах лавок. Айгуль осталась со мной. Мы ждали, прячась за штабелем пустых контейнеров. У прохода Грач остановил Серёгу-Лопату сигаретой. Тот прикурил, Грач показал за дальние кварталы — к «Клину». К нашему бару даже не повернулся.

Потом Репа вернулся к своему столу, открыл записную книжку — старый, засаленный блокнот в клеточку — и начал писать. Карандаш двигался быстро. Что именно он записал, отсюда разобрать было нельзя. Через минуту Грач вернулся и протянул мне остаток пачки.

Глава 23

— Пырьева в посредники записал. Видел имя, когда он цену считал. На наводку двадцать процентов сверху хочет. — Грач потёр большим пальцем стигб пачки. — На сколько часов я нам жизни этой байкой выторговал, не спросил.

Моё имя. Записано в чужой реестр. Проверять цену мы будем сами. Сейчас Репа купился на покупателя с «Клина».

Закрыв глаза на секунду, удерживая в голове своё имя в Репиной книжке. Вот чем заплатил за ложного покупателя. Не монетами — теперь он будет искать Пырьева, проверять, кому я посредник. Через него за мной может прийти «Аврора». Может, ещё кто-нибудь. От этой мысли холодом прошло спину.

Но выбора не было. Игра должна была состояться сегодня.

Айгуль тронула меня за плечо.

— Они уходят, — сказала она. — Авроровские. Ушли к западным воротам. Серёга-Лопата уже несёт байку про сборщика. Работает.

Я открыл глаза. Голова болела после утра с генератором; я прижал клип к уху, снова убавляя гул.

Я подвинул Айгуль из прохода и направился к лестнице.

— Хорошо, — сказал я. — Вернёмся к Кате.

Когда мы вернулись на крышу, Катя всё ещё сидела на краю парапета. Она смотрела на пустые места, где ранее стояли фигуры в капюшонах.

— Ушли, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты их отвёл?

Я сел на парапет рядом с Катей и показал на западные ворота.

— Мы пустили ложный след. Рынок считает, что карту ищет какой-то частник с другого района. Пока они будут проверять эту версию, у нас есть время.

Катя повернулась, упёрла ботинки в выступ стены. Смотрела на меня так же напряжённо, как до спуска к рынку. Не придётся объяснять, почему ложный след — ещё не спасение; придётся объяснить, зачем вообще полез за этой картой.

— Ты поставил свою жизнь на ставку ради карты, которая лежит у пьяного бригадира. Ты понял, насколько это глупо?

Я коснулся кармана тетради.

— Понял, — кивнул я. — Но карта стоит больше, чем моя осторожность.

Она прижала мою руку к карману, не давая отмахнуться.

— Или чем твоя безопасность, — добавила она. — Если Репа запомнил твоё имя, он найдёт тебя. Даже если авроровские уйдут.

Я поднялся и забрал обе пустые бутылки с парапета.

— Тогда я найду его раньше.

Колени затекли от долгого сидения. Нужно было вернуться в общежитие, поесть, привести себя в порядок перед вечерним баром. Перед большой игрой.

На втором этаже остановился у окна. Во дворе разгружались, и хорошо было видно паллету, из-за которой начальник склада орал на рабочих. На метр левее, чем ему хотелось. Молодой парень в дорогой куртке мог орать сколько угодно; мышцы после ночного рейда двигались медленно. На этот шум я и посмотрел вниз.

Сторож дядя Вова появился с другой стороны, ведя за собой двух человек в форме охраны базы.

Вова остановил охранников у лестницы и вытянул руку к крыше.

— Вот! Тут они! Сидели на крыше! — кричал он. — Я предупреждал, что там опасно!

Охранники нахмурились. Один из них поднял голову, ища нас глазами.

Я потянул Катю за рукав к двери.

— Быстро в подсобку.

Внутри склада успели до охранника. Дверь закрыли, спиной прижался к холодному металлу. Снаружи шаги уже подходили к нам; палка ударила по двери так близко, что звук отдал под лопатками. Уходить от створки пока не хотелось.

Сквозь щель у косяка я видел его плечо. Охранник поддел ручку палкой и навалился на дверь.

— Эй! Кто здесь? Открыть!

Щёлкнул замок. Выждал, держась спиной у двери: сейчас попробует войти. Створка не поддавалась. Толстый засов изнутри я успел опустить, и теперь очень вовремя вспомнил, зачем его поставили неделю назад — после кражи инструментов. Пусть сегодня удержит не только чужие руки от наших ящиков.

В щели у косяка показалась дорогая куртка начальника. Пока видел её, удерживал дверь спиной; когда он отвёл палку охранника от ручки, перестал давить всем весом. Сейчас послушаю, кого он велит вывести.

— Ладно, ребята, — раздался голос начальника склада снаружи. — Оставьте. Это мои грузчики, они тут спят иногда. Не трогайте.

Шаги отошли, и я наконец выдохнул. От металла спину отлеплять было неприятно — футболка мокрая, дверь холодная. Катя рядом разгладила рукав, подняла глаза. Усталая улыбка, совсем не утренняя усмешка над моим «подлогом». Я её разглядел и только тогда позволил себе отпустить створку.

— Ты умеешь создавать проблемы, Дима.

Я поднял засов, прислушался к удаляющимся шагам.

— Я умею их решать, — ответил я.

Засов ещё держал в ладони. Катя улыбалась, и я хотел выйти с ней так же спокойно, как только что ответил. Вместо этого прислушался к лестнице: охранники должны уйти достаточно далеко, чтобы мы не встретились с ними у первой ступеньки. Своё имя из Репиной книжки так не вытатишь. И осколок из Хомутова кармана засовом не вернёшь. До вечернего стола надо добраться без новой проверки; тогда хотя бы за карту смогу ответить сам.

Но вечер только начинался. И Пал Палыч ждал меня за столом с костями.

Тубус лежал перед Хомутовым, а мне всё хотелось подвинуть его поближе. Пыльный край, закрытая пробка — карта уже здесь, но развернуть её мне ещё не позволили. Бригадир сидел сторбившись и молчал. Виски шёл по кругу; я брал свою рюмку, не выпуская из виду его рук. Сейчас возьмёт тубус обратно, скажет, что передумал, — и снова ждать. В первой линии такую бумагу помнил только обрывком сна после третьей бутылки «Авроры». Теперь мог получить настоящую, с печатями, сверить каждый ход. Для этого придётся оставить ему удовольствие играть с новичком, не лезть через стол за пробкой.

Возле стола стало теснее. Жареный лук и дешёвое пиво, обычные запахи Толи, отступили за железо и пот чужих курток. Мыши собрались за Айгуль. Грача видел у колонны, руки в карманах жилетки; Петю чувствовал рядом по дыханию в затылок. Часто-часто. Бледный, содранная ключица под повязкой, а всё равно топчется у моего стула. Это дыхание слышал лучше любого эха подземки. Не отворачивался от Хомутова, но и забыть, кто стоит сзади, не мог.

— Ставки, — прохрипел Пал Палыч; после ночного дежурства в диспетчерской Реестра голос у него был сорван. Я смотрел на тубус, пока он вынимал пробку. Хомутов достал лист, развернул его вчетверо, положил перед собой и прижал краями стаканов. Вот она, карта закрытого горизонта «Восьмого участка». Отчуждение на печати было красным, жирным, как след от раздавленного клеща. Разглядеть хотел каждый угол, а пока между мной и листом стояли его стаканы.

Стул подвинул ближе к карте, не заставляя бригадира ждать. Если начну сейчас медлить, он решит, что передумал. Вчера оплатил этот разговор осколком; сегодня лист наконец лежал на столе, и отодвигаться от него я не собирался.

— Играем вслепую? — спросил я.

— Как вчера, — бригадир придержал карту флягой. — Но ставки другие. Моя карта против всего выигрыша недели. Всё, что намылили мыши за пять рейдов, включая твою долю. Сначала играем на твои деньги. Дойдёт до общего котла — решайте все. А у меня на финальный кон карта, мои деньги, осколок из «Подземки» и эти кости. Проиграешь — останешься без добычи и без права садиться за мой стол.

За спиной зашевелились. По звякнувшей бляхе услышал Айгуль раньше её слов. Фыркнула, ладонью уже закрывала край поясной сумки. Общий котёл мне просто так не отдаст, и правильно. Пока на стол положу только своё.

— Ты спускаешь общую копилку, — процедила она сквозь зубы. — Из-за пьяного старика.

— Я покупаю вечер, который вы запомните. — Свою стопку положил перед ним, к Айгуль не обернулся. Монеты, мятые купюры; бензин и кровь с рынка ещё не выветрились. Деньги расправлял, чувствуя этот запах. С ним можно жить свободнее, чем с чистым пропуском в гильдию. — Кости на столе. Правила твои. Бросок через плечо. стакан на ладонь.

На мою ставку Хомутов усмехнулся, криво показав зубы, и достал бархатный мешочек с бахромой. Ткань истёрлась почти в пыль. Следил за горловиной, пока на дерево не выпали те же три кубика. Глухо стукнули друг о друга. Внутренний свинец делал их живыми, как гайки в колене грузовика; этот звук со вчерашнего вечера я уже узнавал.

— Бросаем через плечо, — он поставил пустой стакан рядом с местом броска. — После броска накрываем стаканом. Кость на полу или удар о край стакана — круг залу и переброс. Не подглядывать. Не крутить. Слушать кость.

Из угла с гражданскими зеваками перекрыл гул крик: «На карту! На карту ставлю!» Я посмотрел на руку с пачкой денег раньше, чем на лицо. Чужой рейдер, D из независимых, наглые глаза. Уже шагнул к столу, совал наличность между мной и бригадиром. Сейчас ещё один участник мне совершенно не нужен.

Грач взял его за воротник раньше, чем я открыл рот. Без рывка повёл обратно к темноте, не оставляя места для нового шага к нам. «Стол бригадирский», — буркнул. Чужак споткнулся о стул, пропал в табачном дыму. Пачку денег между нами больше не видел. Спасибо, Грач, не придётся выталкивать его самому.

Первая партия шла ровно. Я сел спиной к столу, бросил те же три кости, повернулся после стука. Единица и две двойки. Пять. Пал Палыч собрал их и кинул вслепую через плечо. Накрыв стаканом. Когда поднял его, зал увидел три шестёрки.

Увидев его три шестёрки, услышал за спиной общий выдох. Петя прижал руку к животу, сдержался, не застонал. Я пока оставался на стуле: первый проигрыш ещё не объяснял, как именно он это делает.

Вторая партия. Я брал те же три кости, закрывал глаза, чувствовал тяжесть свинца на ладони. Повернулся спиной к столу и бросил. Щелчок. Второй. Третий. Один кубик качнулся и лёг гранью вниз. Я оглянулся после остановки. Единица и две двойки. Опять пять. Мизер.

Пал Палыч открыл свой стакан. Семёрка. Он забрал мои монеты.

Третья партия, четвёртая, пятая — шипение за спиной уже мешало слушать. Грач курил прямо в лицо бригадиру, Айгуль ходила вокруг стола, как собака на привязи. Петя молчал, держал здоровой рукой край повязки. Пятую тоже проиграл. Свои деньги уходили, зато за Хомутовой левой я успевал следить всё лучше. Поднимает стакан после каждого броска. Перед этим накрывает кости — и коротко скребёт по дереву. Кубик уже лёг, потом ещё полоборота.

Запястье на миг внутрь. На пробе такого движения не было. За эту задержку и платил мелкими ставками: слышал, а затем проверял руку глазами.

Шестая партия. Мой бросок. Я закрыл глаза, дождавшись, пока официантка перестанет ставить тарелки рядом. Три кости упали. Щелчок. Двойка, тройка, четвёрка — девять я увидел, повернувшись. Пал Палыч кинул. Стакан щёлкнул. Под ним опять коротко скребло. Десять очков. Он снова забрал банк.

К своей оставшейся стопке потянулся медленнее, чем прежде. Пока отсчитывал на новый кон, за спиной уже не ругались вполголоса: Айгуль шагнула прямо к столу. Остановить её до сумки я не успел.

Айгуль вытащила сумку, положила на стол перед моим пустым местом.

— Давай общий котёл! — рывкнула Айгуль. — Раз он тебя режет, давай скинемся все! Мы за тебя играем!

Повернулся к ним, прежде чем трогать сумку. Айгуль не убирала её, Грач и Костя смотрели на меня, не на бригадира. Им после смены тоже надо есть, а они стоят здесь с последними ставками. До этого за свои проигрыши отвечал сам. Теперь Петя здоровой рукой вынул смятую купюру, протянул к общему котлу. Я дождался его кивка. Ладно, играем вместе. Хомутову же больше не дам накрывать кости: короткий скребок уже слышал, хватит за него платить.

— Хорошо, — я сдвинул остаток своих денег к общему котлу. — Играем общим. Моя доля от денежного выигрыша — в фонд бригады. Мне карта и кости. И осколок вернётся к нам. Это вслух, при всех.

Айгуль хмыкнула, но отступила. Пал Палыч посмотрел на меня внимательно, впервые за весь вечер.

Хомутов остановил мой остаток купюр пальцем.

— Тебе терять нечего, — сказал он тихо. — Или тебе есть куда бежать.

Седьмая партия. Я сунул руки в карманы. В одном была пластмассовая зажигалка Пети. Он подарил её ещё у «Гаражей», вчера подержал после выхода — и вернул. В другом лежал платок, в котором я принёс общий осколок. Сейчас пустой. Я вытащил правую руку и взял те же три кости. Стакан оставил у локтя.

— Стоп, — Пал Палыч придержал край моего стакана. — Меняй стакан. Этот твой стакан слишком высокий. Кубики в нём прыгают иначе.

Посмотрел на его стакан — широкий, низкий, с толстым дном. Достаточно накрыть кубик, и я опять услышу скребок, а остальные увидят только новые очки. На шестом коне уже проверил, как он двигает запястьем. Общую ставку под эту руку не подставляю. Отодвинул своё стекло раньше, чем Хомутов успел дать мне другое.

— Тогда играем моим броском, — я отодвинул стакан к самому краю стола. — Ладонным. Без стакана. Кости на голую столешницу.

На словах «голую столешницу» зал ахнул. Я ещё раз посмотрел на край: кость легко укатится на пол, а потом ищи её под чужими ногами. Такой бросок в «костях бригадира» был только для финала. Именно его и просил. Пал Палыч сузил глаза, но стаканы пока не трогал.

Оба стакана Хомутов отодвинул к тубусу. Я проследил, чтобы между ними и местом броска осталось пустое дерево: теперь всё увидят не только наши двое. Карту он оставил рядом со стаканами. Следил за ней тоже: пока не убирает со стола, мой финальный кон ещё имеет смысл.

— Принимается, — сказал он.

Первым бросал он. Повернулся спиной, послал три кости на дерево; я слушал три щелчка. Один кубик задел соседний, второй прошёл по лаку, третий лёг глухо. Когда Хомутов развернулся, ладонь опять потянулась накрыть их. Стакан я положил на край карты — туда, где ему положено оставаться на финале. Рука бригадира остановилась. Здесь уже не надо приподнимать стекло, чтобы зал увидел результат.

Единица, двойка и пятёрка. Восемь очков. Слабо.

Моя очередь. Я взял те же три кости. Почувствовал, как свинец тянет ладонь вниз. Сел спиной к столу, достаточно близко, чтобы достать край правой рукой. Бросил левой через плечо. Первый удар — резкий: кость легла сразу. Второй — короткий скрежет и остановка. Третий — двойной щелчок, потом лёгкое качание. На пробе я держал эту кость в пальцах: утяжелитель тянул её между единицей и шестёркой. Сейчас она ещё покачивалась. За спиной кто-то шумно втянул воздух. Кость наклонился над столом, его рукав шуршал совсем рядом.

— Двойка и единица... — он отдёргнул рукав от качающейся кости. — Третья ещё стоит.

Две первые кости уже остановились. Третья держала весь мой кон на ребре. Если теперь ляжет шестёркой, я выиграю. Если единицей — проиграю всё.

Я не открывал глаз. Я слушал тишину после броска. Кость покачивалась. Она ещё не выбрала сторону.

Я осторожно отвёл больную правую руку от живота, завёл за спину, нашёл край столешницы и положил на него большой палец. Пока кость ещё качалась, коротко ударил по дереву. Стол отозвался под ладонью. Стуки колебания оборвались. Я знал по пробе, куда тянет свинец, но только зал за моей спиной сейчас видел грань.

Она упала.

Грач привстал над столом, ладонью удерживая сигарету вдали от костей.

— Девять.

Я повернулся. Двойка, единица и шестёрка. Девять. Провёл пальцем рядом с гранями, не касаясь их. Теперь моё. На одно очко выше.

Больную руку снова придержал у живота; на короткий удар по дереву еёхватило. Большой палец вернул на край стола: пусть видит, чем правил кость. Зал взорвался, Грач зарычал, зазвенели Айгулины браслеты от хлопка. Петя здоровой рукой схватил плечо и затряс меня. Я уже повернулся к нему, когда он сам скривился, придерживая повязку.

Хомутов не поднялся вместе со всеми. Посмотрел на шестёрку, потом на мой палец, и я уже не слушал крики за спиной. Сейчас бригадир скажет своё слово. Палец хотелось отвести, спрятать в карман рядом с зажигалкой. Оставил на дереве: удар видел, скрывать его поздно, объяснять придётся именно то, что сделал.

Хомутов ткнул ногтем в мой большой палец на краю стола.

— Шулерство. — Я ещё слышал Петин крик, но повернуться к нему уже не мог. Грач положил сигарету на край стола, оставил руки рядом. Айгуль побелела; я увидел это краем глаза, пока смотрел на Хомутова. Кто-то из мышей выдохнул мне в затылок. Теперь ждали не девятки, а моего ответа.

Внутри похолодело. Большой палец ещё оставался на краю, и убрать его теперь — только признаться раньше ответа. Скажет, что нарушил правила, выгонят не одного меня: мыши тоже поставили здесь всё. Драка рядом, стоит Грачу двинуться. Нужно объяснить Хомутову именно этот удар, не просить простить новичка.

— Так играют только те, кому терять нечего. — На большом пальце чувствовал край столешницы и не убирал руку. В начале голос дрогнул; дальше слова выговорил ровно, глядя на Хомутова. — Я не шулер, Пал Палыч. Я слышал, как кость качается. Я просто помог ей лечь туда, куда её тянул свинец. Это тоже слух. Это тоже знание.

Минуту Хомутов смотрел на меня, вторую. Я не убирал руку и ждал ответа. Когда губы у него дёрнулись, сперва принял это за злобную усмешку. Потом он затряс головой — смеялся. Беззвучно. Только теперь можно было перестать ждать кулака через стол.

— Вот это по-нашему, — выдавил он сквозь смех и протянул руку через стол. Кулак не сжимал. Я подал левую, поберёг больную. Он тут же сменил руку; ни объяснять, ни просить не понадобилось. Пожал горячую, сухую ладонь, как кожу перчаток после смены. Вот теперь кон действительно закончен.

Он подвинул ко мне лист, придерживая его пустым мешочком.

— Забирай карту, — сказал он. — И забирай кости. Кому карта — тому и кости.

Бархатный мешочек с тремя костями оказался у меня. Хомутов подвинул остальное — карту, деньги, осколок. Пока держал мешочек, смотрел, как Грач принимает ядро в мой вчерашний платок. Осколок вернулся из чужого кителя. Вот теперь наше, не только обещанный разговор за трофей.

Карту держал, пока Грач считал вслух. Общий котёл вернулся первой кучкой. Во вторую Грач отделил проигранные мной ставки, в третью — Хомутовы деньги сверху. Ещё раз проверил, сгрёб в бригадную сумку. Я дождался последней кучки, не торопил. Вчера все видели, как отдаю осколок; сегодня пусть каждый видит, сколько возвращаю. Никто не должен уйти от стола, гадая, обманул я мышей или накормил. Вот эта выплата, перед ними. Завтра её уже не выдадут за рассказ про удачную игру.

Грач затянул клапан бригадной сумки и положил на неё ладонь.

— Всё бригаде, как сказал, — он кивнул мне, потом поднял платок с осколком. — А с этим давайте решим.

Карту и мешочек удержал перед собой. На Грачевой ладони лежал мой вчерашний платок. Ещё недавно я смотрел, как этот кусок уходит в Хомутов китель; теперь Грач показывал его нашим.

— Деньги в котле. А этот тебе, — сказал он. — За Костю. За то, что вытащил. И за сегодняшний стол. Личная доля добычи. Кто против?

За спиной кто-то из мышей хмыкнул. Айгуль шагнула ближе, посмотрела на свёрток, потом на меня.

— Я за, — сказала громко, чтобы каждый слышал. — Вчера разрешила отдать, сегодня разрешаю забрать себе. Ты нам котёл вернул с прибытком. Хватит стоять с одними костями.

Грач развернул платок. Синий свет лёг на его пальцы; осколок с полладони целиком лежал перед нами. Мыши тянули шеи. Петя присвистнул, Костя подался ближе.

— Отдавай, — сказал он Грачу. — Я свой сапог оттуда вынес. Дима пусть хоть камень вынесет.

Петя захихикал. Айгуль отвела его здоровую руку от моего больного плеча: опять собирался трясти.

— Берёшь? — спросил Грач.

— Беру. Спасибо вам.

Чуть повернулся к нему здоровым боком. Грач завернул осколок в тот же платок, оттянул полу моей куртки и опустил свёрток во внутренний карман. Карта и мешочек остались у меня; тянуться больной рукой под куртку не пришлось.

— Ну, — Грач хлопнул меня по здоровому плечу, — теперь у тебя в кармане кусок Подземки. Только не начинай снова: «Я покупаю вечер».

— Этот уже купил.

Костя ткнул меня пальцем в грудь возле кармана.

— Мой спаситель, — сказал он. Глупо и громко.

Спорить не стал. Под курткой чувствовал вес знакомого куска. Поймал его у желоба, отдал, вернул — и сейчас наши сами положили его мне в карман. Хотелось улыбнуться каждому, даже Айгуль, которая уже отгоняла от сумки любопытных.

Мешочек поднял над плечами мышей, чтобы все видели. Гудели, как улей, толкались, просили посмотреть. Карту держал при себе: сперва прочту, потом покажу. Петя прижался здоровой рукой, одновременно смеялся и плакал; лист пришлось побереечь от его локтя, самого не отталкивал. У стойки Катя стояла со скрещёнными руками. Нашёл её между чужими головами. Удар по дереву видела, Хомутов принял его у неё на глазах — и она молчала. Пакт не понадобилось защищать сразу после выигрыша.

Карту расправил под лампой. Водил пальцем по линиям горизонтов, обходил печати отчуждения «Восьмого участка» — чернее ночи. В углу палец остановил. Штамп красный, маленький. Пока искал знакомые коридоры, едва не прошёл мимо него. Теперь читал только эту строку, не весь выигранный лист.

«Горизонт закрыт. Съёмка ополовинена».

Ополовинена. Ещё раз прочитал под пальцем. Мне досталась съёмка с вырезанным куском: дальше линия не поведёт, как бы хорошо ни помнил коридоры. Кон выиграл, а теперь снова упираюсь в то, чего не знаю. Сердце ёкнуло. Прежде чем идти по этой карте, нужно найти отсутствующее.

Хомутов опять наливал себе виски. Следил, как дрожит рука, пока он смотрел на место старого фото своей бригады. Сейчас ли спрашивать? Ноготь положил у красного штампа и наклонился к его плечу. После этого выигрыша не уйду с половиной ответа.

— Почему съёмка ополовинена? — спросил я тихо. Только он мог услышать этот вопрос поверх общего гула.

Пал Палыч не повернул головы. Он поднёс стакан к губам, сделал глоток и произнёс так, будто читал приговор самому себе:

— Потому что вторая половина карты там, где её не должно быть. Там, где продают смерть по частям.

Стакан он опустил возле карты, постучал ногтем по красному штампу. Я придержал лист с другого края. Слово «половина» от него уже услышал; теперь не дам свернуть бумагу прежде, чем пойму, к кому идти за остальным.

Когда Хомутов назвал Репу, я задержал пальцы на листе. Того самого, в чью книжку утром попало моё имя. Теперь и я должен его искать? Посмотрел на флягу в белых пальцах бригадира: он назвал скупщика и замолчал. На рынке могли продавать слух, на столе у меня лежит бумага. Прежде чем понесу её туда, спрошу Хомутова ещё раз. Что отдал мне сейчас и что видел у Репы сам.

Я сунул карту во внутренний карман куртки. Кости остались в руке, тяжелые, тёплые от чужого тела. Я подхватил мешочек за горловину и затянул её, прежде чем Петя снова задел меня локтем. Разлететься по полу после такого кона им я не позволю. Теперь можно было спокойно смотреть на карту. Петя наконец отпустил меня и начал прыгать вокруг стола, размахивая здоровой рукой.

Петя поднял здоровый кулак над общим котлом.

— Мы богаты! — орал он. — Дима нас всех накормит! Дима нас всех оденет!

Я снова вынул карту и положил на стол. Красный штамп смотрел вверх. Репя мог продавать слух о второй половине. Бумагу я пока видел только у Хомутова. Нужно было отделить одно от другого.

По «Восьмому участку» помнил общий вход, выход, знакомые коридоры. Теперь мог сверить память с первичной съёмкой. Только вырезанный кусок на ней был намеренный; кто-то спрятал дорогу, и сравнивать двенадцать лет рейдов с пустым местом бесполезно. Сперва спрошу у того, кто дал этот лист. Потом уже пойду к Репе.

К Кате подошёл, прежде чем снова смотреть на красный штамп. Ждал хоть какой-нибудь улыбки после кона; ответила коротким, сухим кивком. Постучала пальцем по свободному месту рядом с половиной карты. Победу видела. Чего не хватает на столе, тоже.

— Поздравляю с победой, — сказала она. — Теперь иди и узнай, где вторая половина. Пока нас не сожрали.

Глава 24

Я толкнул дверь ногой. Она открылась без стука, только скрипнула петлёй. Пал Палыч даже не обернулся.

Из подсобки сразу потянуло кислым вином и мокрой шерстью. Спиртом тянуло от Хомутова: сидел согнувшись на перевёрнутом бутылочном ящике, пил из помятой алюминиевой фляги. Я смотрел на трещину у горлышка, ждал, поставит ли он её перед следующим вопросом. Глотки короткие, торопливые, после каждого кашель. Так не пробуют хорошую выпивку. Он старался пить без промежутка, а мне нужен был как раз промежуток, в котором сможет ответить.

Он передвинул пустой табурет носком ботинка.

— Иди сюда, Дим, — хрипло сказал он. В зале он перекрывал голоса возле костей; здесь я едва разобрал хрип. Но табурет подвинул сам. Значит, ещё можно сесть, прежде чем снова потребует уйти.

Переступил порог. Света от щели над дверью и лампы на гвозде хватало только на ближнюю полку; там пустые бутылки, ниже ведро с тряпками. У стены разобрал ржавый умывальник. Пылью и бумагами пахло за всем этим вином. Хомутов оставался на своём ящике, а свободный табурет уже стоял перед ним. На сиденье чистая салфетка. Я задержал взгляд: Толя её положил или сам старик? Кто-то подготовил мне место, не всё здесь придётся отвоёвывать с порога.

Хомутов повернулся. Глаза красные, а на флягу больше не смотрит — на меня. Я подождал, пока скажет, зачем сам подвинул табурет.

Хомутов повернул флягу пробкой ко мне и коленом подвинул табурет подальше.

— Ты чего притащился? — спросил он. На «чего» я задержал шаг. Пригласил подойти, а теперь уже выталкивает голосом; за ответом всё равно придётся остаться.

Я молча взял со стойки второй стакан. Стекло звякнуло о дерево. Я подошёл к нему, налил себе воды из крана в умывальнике — вино пить было незачем, мне нужна была ясность — и поставил свой стакан рядом с его флягой.

Я отодвинул салфетку на край и положил ладонь на сиденье.

— Сяду, — сказал я. Просто так. Не спрашивая разрешения.

Пал Палыч дёрнулся.

Он ударил флягой по ящику, плеснув себе на пальцы.

— Вон отсюда! — рявкнул он, и в этом рыке была вся та ярость, которую он держал в себе весь вечер, пока мы играли в кости. Ярость проигравшего. Ярость человека, который понял, что карта ушла к мальчишке. — Ты выиграл. Забери свою бумажку и катись. Мне тут... одному нужно быть.

«Одному» он выговорил, держась за флягу. Я посмотрел на мокрые пальцы, на горлышко с трещиной. Уйду — следующему глотку уже ничего не помешает. Бумагу выиграл, а про пустую половину всё ещё знаю меньше, чем он.

Свободный табурет всё ещё стоял возле ящика. Сел, подвинул его к Хомутову; ножки заскребли бетон. Сапоги оставил на полу. К двери меня сейчас можно вытолкнуть, но сам после такого ответа не поднимусь.

— Тишина шумная, бригадир, — сказал я тихо. — А я слышу достаточно. Тебя. Себя. Скрип стены. Если ты будешь орать, я буду слушать твой ор. Если будешь молчать — твоё молчание. Разницы нет.

До губ флягу Хомутов так и не донёс. Я видел каплю у горлышка и ждал, скатится ли она раньше, чем он ответит. Он ещё мог ответить своим привычным глотком, а пока слушал меня.

Рука с флягой опустилась. Я ждал, не пойдёт ли она снова к губам, но старик смотрел на меня. Дольше, чем прежде на мои кости. Пришлось выдержать этот взгляд, не заполнять паузу ещё одной просьбой про карту.

Хомутов отставил флягу за локоть. Рука ещё оставалась на горлышке; он убрал её, только когда я встретил его взгляд. Я не повернулся вслед за флягой. Выпивку мы уже делили в зале, а сюда я пришёл за разговором, который он пытался оборвать.

— Ты странный парень, Пырьев, — выдавил он. — Раньше такие долго не живут. Или ломаются сразу. Или спиваются вместе со мной. Что из тебя вырастет, интересно знать.

Я вынул выигранную половину и разложил её между нами.

— Это зависит от того, сколько карт у меня осталось, — ответил я.

Он накрыл ладонью обрезанный край карты.

— У тебя одна. Половина.

Я оставил палец у пустого продолжения тоннеля.

— Именно.

Хомутов криво усмехнулся. Я оставил палец у обреза: шутить о половине ему можно, мне нужен оставшийся путь.

Он потянул за край листа, словно ещё проверял, не поддастся ли бумага пальцам.

— Знаешь, почему я тебе её отдал? Почему не порвал, не сжёг, не выбросил в унитаз?

Я удержал лист за противоположный угол.

— Потому что проиграл.

Хомутов прижал край карты к ящику.

— Нет. Потому что ты не боялся. Все боятся. Новички боятся проиграть деньги. Старые волки боятся потерять лицо. А ты... ты боялся, что не успеешь. Чувствовал это по тому, как ты держал кость, когда партия уже была сыграна. Как ты слушал кость. Ты не играл. Ты выживал. Это разные игры.

Он сделал ещё один глоток. Теперь уже без дрожи.

Он придвинул ко мне флягу, освобождая место у третьего сектора.

— Скажи мне одну вещь, Дим. Только честно. Про третий сектор ты говорил так, будто сам там ходил. А дату гибели моей бригады знаешь?

Дату я вспомнил сразу. «Восьмой участок», третий сектор, восемь лет назад. В первой линии, уже В-рангом, читал сводки с этими именами. Теперь Хомутов спрашивал их у парня напротив своей фляги; этому парню он ещё ничего не рассказывал. Я удержал лист, не стал отвечать на первом вдохе. Дата, имена, место у меня есть. Скрытого входа в старой съёмке не было — его память так и не дала, за ним пришёл сюда.

Сказать «помню из будущего»? После этого он услышит только сумасшедшего, не дату своей погибшей бригады. Придумать источник попроще тоже не выйдет: тридцать лет за костями он разбирает, кто врёт. Я уже видел, как следил за моей рукой в конце кона. Останется сказать ровно столько, сколько смогу удержать под его вопросами.

Посмотрел на Хомутова, не на флягу. Он спросил день гибели своих людей. Жалостью от этого вопроса не отделаться; назову то, что знаю, и посмотрим, кому станет легче дышать.

— Знаю, — я подвинул к нему лист, прижав красный штамп двумя пальцами. Назвал день, месяц и год. — Я там был.

После даты даже его кашля не услышал. Я держал пальцы на красном штампе, ждал нового вопроса. Карту он пока не тянул обратно.

Хомутов отнял руку от листа, упёрся ею в колено.

— Был? — переспросил Пал Палыч. — Где?

Я придвинул ему лист той стороной, где начинался третий сектор.

— В том месте, куда ты не хочешь возвращаться. В том месте, где ты потерял своих. Я знаю дату, потому что... — я запнулся, подбирая слово, которое не звучало бы как сказка. — ...потому что однажды я уже там был. И вышел оттуда другим путём. Не живым, но другим.

Про «не живым» я выговорил и сам задержал вдох. В том секторе уже был, только сейчас ему этого не докажешь. Катя сегодня приняла «однажды там был». Хомутов сидел передо мной со своей датой и мог спросить то, чего она не спросила. Лист я не отпустил, ответ назад не забрал.

Хомутов закрыл глаза, и я перестал разбирать его лицо. Лучше не мешать. Дождался, пока посмотрит снова; теперь он уже не усмехался над моей половиной карты.

Он разогнул на колене два пальца.

— Я таких, как ты, встречал двоих, — сказал он шёпотом.

Двоих? Я посмотрел на его пальцы, не успел спросить ни имени, ни места. Он ведь сказал это не про карты.

Хомутов сжал их обратно в кулак.

— Оба мёртвые, — добавил он.

Мёртвые. Я задержал ладонь на листе: сейчас он может рассказывать про тех, кто не дошёл, а может — предупреждать, что будет со мной. Уходить с половиной после этих слов уже не хотел.

Он провёл костяшками по старому сгибу карты.

— Они пытались делать то же самое, что и ты, — продолжил бригадир. — Лезть туда, где смерть ходит по расписанию. Знать больше, чем положено. Один был таким же наглым, как ты. Другой — тихим, как вода. Первый погиб через неделю после разговора со мной. Второй — через месяц. Их тела нашли в разных местах. Но оба знали то, чего знать не должны были.

Придвинул табурет, оставил пальцы на своей половине. Двое уже приходили с таким знанием, теперь он сидит перед третьим. Как сумел говорить с ними и остаться здесь сам? Пока рассказывает про мёртвых, хочу услышать, боится ли ещё одного такого разговора.

— И ты не боишься третьего?

— Боюсь, — он улыбнулся, а я задержал ладонь на листе: знает, что стало с первыми двумя, и всё равно не забирает у меня карту. — Но мне нужно, чтобы хоть кто-то знал. Кому-то нужно оставить ключ. А самому идти в замок нельзя. Там холодно.

— Погоди, а Репа? — я придержал свой лист за обрез. — Ты же про него говорил. Вторая половина там?

Хомутов покачал головой, глядя на карту.

— Не так сказал. У Репы её ищут. Покупатели. А сама половина у меня.

После его слов в зале я уже прикидывал дорогу на рынок. Выходит, там можно узнать, кто ищет карту, а за бумагой никуда идти не нужно. Убрал палец от обреза и посмотрел, куда Хомутов потянется за своим листом.

Хомутов упёрся в столешницу, поднялся с хрустом коленей. Я проследил за ним к крючку у двери: старый китель хаки, локти в заплатках. Полез под подкладку, потянул нитки. Они не поддались; он пробовал снова, а я уже искал здоровыми пальцами свой складной нож.

Отставил табурет ногой, подошёл к кителю. Пальцы Хомутова всё ещё тянули нитку, а до зашитого кармана я уже мог дотянуться сам.

— Дай сюда, — сказал я.

Хомутов оставил нитку, задержал моё запястье над тканью. Пока он смотрел на мои пальцы, я не полез под его ладонь: свою подкладку ему вскрывать мне ещё надо позволить.

— Ты уверен?

Я повернул ладонь вверх, давая ему отпустить её самому.

— Да.

К крючку придвинулся, когда он отпустил запястье. Достал складной нож из ломбарда Толика Резвых, подвёл кончик под нитку. Подкладка старая, плотная; резанёшь насквозь — достанешь и до того, что за ней. Поэтому подрезал по одной, оттягивал освобождённый край, пока ткань не отошла.

Последняя нитка разошлась под кончиком ножа. Я увидел свёрнутый рулончик в изо-ленте, вытянул, не цепляя бумагу остриём. Хомутов забрал его сам. Я убрал нож и ждал, пока он развернёт.

На развёрнутом листе узнал продолжение контура. Вторую половину. Я придвинул свой выигрыш: жёлтая бумага с теми же водяными знаками Реестра, а поверх них чернила выглядят свежее. Теперь смогу сравнить не пустой обрез с памятью, а два настоящих края.

Обрезы не легли вровень. Зато линия контура дошла до шва и продолжилась на Хомутовой половине; я придержал свою, пока старик поправлял вторую. Обе унесли на свободную полку под лампой. Стакан и фляга прижали края — руки можно убрать, путь на бумаге останется целым.

Хомутов прижал ладонями обе половины.

— Вот, — сказал Пал Палыч. — Это и есть «Восьмой участок».

Я смотрел на карту. Первая половина показывала основные тоннели, зоны обрушения, стандартные D-ранговые метки. Всё это я видел раньше. Я провёл пальцем вдоль знакомого хода и остановил у шва, не переходя на второй лист. Здесь привычный маршрут должен был оборваться. Но вторая половина...

За швом появилась новая отметка. Я остановил палец: её в своей памяти не находил. Вот теперь стоит сверяться с тетрадью, а не узнавать старые повороты на глаз.

На моём куске была сплошная стена породы, а вторая половина открывала маленький кривой контур за ней. Я посмотрел на него ближе: словно глаз на бумаге. Возле этого сектора прочитал метку: «D-ранг. Скрытый.»

В двенадцати годах рейдов у меня были знакомые тоннели, выходы, твари и сводки по «Восьмому участку». Этот скрытый вход в них отсутствовал. Я достал тетрадь из внутреннего кармана, раскрыл рядом с картой. Сравнил изгиб ближайшего коллектора со своей записью: старый маршрут сходился. Значит, новая часть действительно закрывала то, чего нам прежде не показывали. Вот ради этого и стоило выиграть оригинал.

Я обвёл ногтем новый контур, не царапая бумагу.

— Это что? — спросил я. Голос стал глухим.

Бригадир подвинул к моей руке именно эту половину.

— Сектор, — ответил Пал Палыч. — Тот самый, который они прятали. Тот, ради которого моя бригада полезла вниз и не вернулась. Они искали выход, а нашли вот это.

Хомутов указал на стык. Там поверх линий шла синяя надпись; я наклонился к лампе, чтобы разобрать жирные буквы. Рукой написано, не напечатано вместе с картой. Штрихи местами дрожали.

«Не входить. Питатель.»

На последнем штрихе перо съехало с линии. Я задержал взгляд: писал быстро или рука дрожала? Одного этого следа, чтобы решить за автора, мало.

Я указал на надпись рядом со стыком.

— Кто писал? — спросил я.

Хомутов накрыл надпись пальцем, потом убрал его.

— Мой напарник, — сказал бригадир. — Тот, кто выжил. Первые десять минут. Он успел сделать эту запись перед тем, как разлом схлопнул проход обратно. Он кричал нам, чтобы мы уходили. Мы не ушли.

Я отвёл стакан воды от карты, оставляя ему место показать.

— Почему?

Он упёр ноготь в круг ядра.

— Потому что там было ядро. Большое. Такое, какое не найти ни в одном другом разломе. Жадность — плохой советчик, Дим. Особенно когда рядом стоит смерть.

Я посмотрел на карту ещё раз. На этот раз не на линии, а на детали. На те самые свежие чернила поверх печати. На то, как они ложились на старый штамп.

Кто-то позже нанёс обход поверх старой съёмки. Недавно или давно — по одному цвету чернил не определить. Но нажим, ширина линии и направление штрихов отличались от предупреждения напарника. Я поднёс край карты к лампе, чтобы проверить пересечение.

Предупреждение старое. Обход нанесён после него. Этот путь кто-то готовил отдельно.

Я придержал обе половины, когда он потянул руки к себе.

— Зачем ты дал мне это? — спросил я. — Ты мог продать. Ты мог сдать в Реестр. Ты мог забыть.

Хомутов вернулся на ящик. Флягу сразу не взял; я смотрел на свободный лист между нами и всё ещё ждал, не передумает ли отдавать его после рассказа.

— Потому что ты мой новый бригадир, — он отпустил край карты, передавая мне весь лист. — Не формальный. Никто тебя не назначал. Но после той игры в кости, после того, как ты посадил Петю за стол и дал ему бросить самому... после того, как ты назначил весь денежный выигрыш мышам... ты стал своим. А свои должны знать, где искать золото. И где их могут убить.

Я сложил лист по старому сгибу, стараясь не давить новым.

— Спасибо, — сказал я, удержав сложенную карту обеими ладонями. В зале выигрыш хотелось показать всем. Сейчас хватало того, что он остался у меня; спросить ещё одну цену язык не повернулся.

— Не благодари, — он махнул рукой. — Когда пойдёшь туда, вспомни меня добрым словом. И не бери с собой детей. Там не место для детей.

Мы вышли из подсобки в общий зал. Бар уже почти опустел. Оставались только «Серые мыши». Айгуль протирала стаканы, Грач считал наличные в котле, Толя-бармен стоял за стойкой, наблюдая за ними с профессиональным равнодушием.

Пал Палыч подошёл к ним. Все замолчали.

Он встал у моего места и положил на него ладонь.

— Карта у Пырьева, — сказал бригадир громко, чтобы слышали все. — И кости тоже. Он теперь хозяин стола.

Грач поднял глаза. Айгуль перестала тереть стакан. Он подвинул котёл к краю, она задержала полотенце в пальцах. Ждали моего слова.

Я подвинул денежный котёл к Грачу.

— Дележ, — сказал я. — Деньги идут в котёл. Всё, что выиграл сегодня. Кроме карты и костей.

Грач ответил не сразу. Я оставил котёл возле него — весь выигрыш, перетягивать обратно не собираюсь. Он коротко рассмеялся, и я дождался уже слов.

Грач подхватил котёл обеими руками и придвинул к своим коленям.

— Свой человек, — сказал он. — Хоть и дурак немного. Но свой.

Айгуль кивнула.

Айгуль освободила мне проход между столом и стулом. Я уже приготовился протискиваться боком, как в начале вечера, и на миг замешкался. Она не отходила от разговора — наоборот, оставила место рядом с собой. Именно туда я и шагнул.

— Дим, — позвала она. Не «новенький». Не «эй, ты». По имени.

Я задержался на собственном имени. В начале вечера пришлось покупать проход к столу, теперь Айгуль сама оставила мне место рядом. Котёл у Грача, карта у меня, а сюда зовут уже без торга.

Я кивнул ей в ответ. И вышел во двор бара.

На дворе холод достал до мокрой куртки. Откуда-то тянуло бензином и сыростью, а рядом с Петей — сигаретой. Огонёк ходил в его здоровой ладони; затягиваться толком он так и не научился, я уже ждал привычного кашля. Но окурок он выбросил сам, заметив меня.

Окурок зашипел в луже. Петя подошёл сбоку, оставил дорогу открытой. Я остановился перед ним, не пришлось ловить за куртку, чтобы не ушёл.

— Ну как? — спросил он, уже глядя мне в лицо. Голос ещё дрожал, но шагнул Петя сам. В зале сел против бригадира, проиграл свой кон и всё-таки дождался нашей победы, не спрятавшись за мной. Сейчас хотел услышать про выигрыш, а не снова говорить, как выходить из бригады.

Встал рядом, придержал его здоровое плечо.

— Нормально, — сказал я. — Ты молодец.

Из Петиного кармана показалась бумага. Я ждал целый бланк, а он вынул обрывки: тот край, за который можно было держать заявление, уже разорван.

— Я завязываю с этим, — вдруг сказал Петя, подняв обрывки заявления.

Ветер подхватил край бумаги. Придержал Петину ладонь, чтобы успеть разглядеть: он сейчас показывает мне не документы на выход, а то, что от них осталось.

— Что?

Он разжал пальцы над урной, стряхивая последние клочки.

— Документы на выход. Я их рвал. В зале. Пока ты играл. Мне стало... скучно бояться. Страшно стало скучать.

Вынул зажигалку с котом, развернул к Пете потёртым боком. Пластик ещё держал тепло кармана. Он посмотрел на рисунок, здоровой ладонью подтолкнул мою руку обратно: не берёт. Я оставил пальцы раскрытыми, ждал, что теперь скажет про её хозяина.

— Держи у себя, — он сомкнул мои пальцы на пластике.

Я повернул зажигалку котом к нему, чтобы он видел рисунок.

— Зачем?

— Это мой талисман. Она помогала мне, когда я думал, что всё кончено. А теперь... теперь она у тебя и остаётся. Ты теперь мой талисман. Без неё ты не справишься. — Он сжал мою ладонь поверх пластика и усмехнулся. — Я решил.

Я разжал пальцы. Зажигалка была лёгкой, пластиковой, с потёртым рисунком. Петя всё ещё смотрел на неё, будто ждал, что я верну. Я повернул подарок в ладони, выбрал карман, куда положить, — не сунул куда попало. Пусть видит: оставляю у себя всерьёз. Он ещё тогда сам вернул её на горячем кабеле. Теперь мог бы забрать, как забрал документы на выход, а вместо этого опять велел оставить. Я выбрал карман ещё и поэтому: такую вещь не дам болтаться рядом с ножом.

Я убрал подарок во внутренний карман, отдельно от карты.

— Спасибо, Петя, — сказал я.

Петя шагнул ближе, удерживая край моей куртки здоровой рукой.

— Не за что. Только... если ты туда пойдёшь. По этому сектору. Возьми меня.

Я снял его пальцы с куртки, накрыл ладонью.

— Нет.

Петя поднял здоровую руку, собираясь перечислять на пальцах.

— Дим, я могу быть полезен. Я могу следить за поворотами. За людьми. Я могу...

— Нет, — я показал на его повязку. — Ты останешься здесь. Сначала заживёт плечо. Потом будешь учить новичков. И кости, и сигналы на выходе. Мне нужен человек, который считает людей у кордона. Не второй раненый внизу.

Петя опустил поднятую руку, посмотрел на повязку. Я не повторял «нет». Он отвернулся, но за мной не потянулся, снова перечислять свои умения не начал.

К автобусу подошли мимо фонарного столба, где ждала Катя в шарфе. Под её взглядом я вынул зажигалку к свету, карту оставил под локтем. Она посмотрела на обе вещи, потом на Петю за моей спиной. В начале вечера он собирался уходить один, сейчас до автобуса дошёл с нами.

Катя кивнула и не стала спрашивать при Пете. Я придержал карту плотнее: раньше показывала на пустое место у первой половины, теперь видела обе. Если захочет проверить, в автобусе можно будет разложить весь путь.

В автобусе сел у окна, устроил карту на коленях. От движения края опять расходились; ладонью держал шов, зажигалкой прижал загибающийся угол. За стеклом шёл сонный город, а у меня перед глазами наконец был целый горизонт. Домой везу обе половины. Только это уже не мёртвая архивная бумага: кто-то оставил на ней свой путь, и его ещё надо прочитать.

Дома, в общежитии, я включил настольную лампу. От жёлтого света я прищурился, но лампу не выключил: на бумаге ещё оставалось что разобрать. Я достал две половины карты. Они не хотели соединяться ровно, края расходились.

Первый край придавил стаканом. Второй под него не лез — я подтянул его к линии контура и удерживал, пока освобождал пальцы от липкого скотча. Рука дрожала, поэтому не приклеивал на первом рывке. Выдохнул, свёл линию, проклеил. Снизу закрепил обе части, перевернув вместе. Наконец можно держать карту за край, а не за место разрыва.

Развернул склеенный лист до конца. Под лампой в подсобке успел разглядеть отличие чернил; здесь уже не надо было придерживать полукарту и слушать Хомутова одновременно. Я мог идти пальцем по чужой линии, не пропускать ни одного пересечения.

Тот самый скрытый сектор. Контур. Надпись «Питатель».

Синие линии шли вокруг контура, перебирались через старые штампы Реестра. Придвинул пересечение к свету: тонкий штрих лёг сверху старой метки, нажим тоже другой. К предупреждению напарника это перо не относилось. Лист трогали позже, и теперь я мог проследить, что дорисовали.

Провёл палец рядом с синей линией, не по старому тоннелю. Она обходила прежние отметки, заходила в центр кривого «глаза». Вот куда собирался автор. С таким путём в старый вход мне возвращаться незачем.

Кто-то вынул карту из подкладки или работал с нею до того, как Хомутов её зашил. Когда именно — спросить ещё предстояло. Но обход был отдельной работой, не частью старой съёмки.

Потянул тетрадь к лампе, потому что на одном наклоне букв имя не угадаешь. В первой линии видел похожий почерк в сводках; теперь нашёл свои записи о съёмщиках и тех, кто списывал закрытые горизонты. Приложить лист к фамилии легко. Только совпадение ещё предстоит доказать, и карту я получил именно для этого: здесь след чужой руки, а не мой пересказ прошлого.

— Это не архив, — я прижал стаканом место, где обход пересекал старый штамп.

Я придвинул лампу ближе. Синяя линия не обрывалась у предупреждения.

— Это работа. — Я записал на свободной странице: «Поздний обход к Питателю. Узнать автора».

За окном снова слышался город. Я оставил лампу над синим обходом: пока здесь читаю чужую работу, закрытые горизонты не стоят пустыми. Надо успеть к этому входу не после покупателей Репы.

Карту сложил по сгибам, уложил под внутренний клапан. Зажигалку оставил в соседнем кармане, кости — на столе. Ещё держал в пальцах их свинцовую тяжесть, когда отпустил последнюю. С картой пойду за допуском. Кости пусть останутся здесь до следующего кона.

Утром в шесть я пойду в Реестр. Подам заявку на тест — на этот сектор. До покупателей Репы. Карта уже у меня; теперь нужно право пройти её вход.

Я поставил будильник, положил рядом контракт и тетрадь. Кости оставил в мешочке на столе. Пусть Хомутов завтра узнает, что его бумага наконец пошла в дело.

Обход приводил прямо к «Питателю». Я выиграл путь, о котором нам не рассказывали двенадцать лет. Утром заберу допуск к тесту. А вот имя человека, проложившего этот путь до меня, ещё лежало по ту сторону закрытого входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.